Одноклассницы на миллион $

Автор:
Мария Жукова-Гладкова

Одноклассницы на миллион $

Мария Жукова-Гладкова

Чтобы ограбить современный банк, не надо взламывать сейф, достаточно «взломать» компьютерную сеть. Именно так и решают поступить два незадачливых мошенника. Ведь на кону стоит ни много ни мало – миллион долларов. Но они еще не знают, что подняли руку на святая святых – деньги мафии. В запутанную историю с поиском преступников втянуты три бывшие одноклассницы: прелестная и строгая деловая женщина, очаровательная содержанка престарелых «папиков» и самая невезучая – уличная торговка конфетами. Помогая разоблачить мошенников, каждая из подруг преследует свою цель…

Мария Жукова-Гладкова

Одноклассницы на миллион $

Все герои этого произведения являются вымышленными, сходство с реальными лицами может оказаться лишь случайным. То же самое относится и к описанным в романе ситуациям.

Глава 1

Вторник, 21 марта

Андрей Степанов, шеф компании «Поларус», двоюродный брат Славки Самсонова, позвонил ему на работу и попросил встретиться с приятелем, программистом Валерием Зерковским. Тот живет у метро «Технологический институт». Он выйдет и передаст Славке упаковку с дискетами. Славка должен стоять в три часа у выхода из метро, на улице, рядом с книжным развалом. Зерковский к нему подойдет.

Подобная просьба не была чем-то необычным: двоюродный брат, средней руки бизнесмен, иногда подкидывал Самсонову кое-какие халтурки: просил съездить то туда, то сюда, встретиться с тем-то, отдать то-то, получить это. В общем, время от времени Славка трудился в должности мальчика на побегушках. Отпроситься с работы проблем не было: им вообще ввели четырехдневку. Но к себе Степанов пока не брал. Ведь он точно знал, что если потребуется – Славка сорвется с места и сгоняет, куда будет нужно.

– Потом с этой упаковкой приедешь ко мне в офис, – давал указания Степанов, контора которого находилась на набережной реки Пряжки, недалеко от известного дурдома. Офисная площадь там значительно дешевле, чем в центре города или у метро, а об удобствах своих сотрудников шеф заботился меньше всего.

– Андрюх, у тебя там новая партия товара пришла? – с надеждой спросил Самсонов, с которым родственник обычно расплачивался поставляемым из Польши дешевым спиртным.

– Пришла, – успокоил его Степанов. – Получишь свое. Ты все понял?

– Все, Андрей. В три у «Техноложки». Мне стоять у книжного развала при выходе из метро.

* * *

Без пяти три Слава Самсонов стоял в назначенном месте, читал бесплатную газетку, посматривал на часы.

Ровно в три к нему подошел мужчина лет пятидесяти пяти в дорогом кашемировом пальто с торчащим из кармана сотовым телефоном.

«Хорошо живут у нас программисты, – пронеслось в голове Самсонова. – Дернуло же меня, идиота, податься в химию».

– Упаковку – вам? – спросил мужчина.

– Да, с дискетами, – кивнул Слава.

Мужчина протянул ему коричневую коробочку. Слава уже начал доставать из кармана сложенный полиэтиленовый пакет, но не успел развернуть, потому что его окружили крепкие парни в штатском, накинули наручники. Появились люди в форме.

– Вы арестованы, – сообщили ему. – Пройдемте с нами.

Четверг, 23 марта

Славка не пришел ночевать вторую ночь подряд. Вчера Марина Самсонова не особо беспокоилась, можно сказать, вообще не беспокоилась. После стольких лет совместной жизни ей по большому счету было плевать на мужа, которого она сама десять лет назад затащила в загс, потому что была от него беременна и страшно боялась маминого гнева. «Напился в очередной раз», – только и подумала она. Но чтобы две ночи подряд… Вариант другой женщины она исключала полностью. «Может, в самом деле случилось что?» – пронеслось у нее в голове.

Самсонова решила позвонить Марианне, своей и Славкиной бывшей однокласснице, теперь заместителю директора довольно крупной коммерческой структуры, или директору по внешним связям, как значилось в визитке. Марьянка-то точно скажет, куда следует обратиться. И вообще, что делать. Она соображает мгновенно. Быстро находит решения. Любых вопросов. Безвыходных ситуаций для Марианны Мальцевой просто не существует.

Другой однокласснице, Маше Корицкой, звонить пока было бессмысленно – она раньше часа никогда не вставала. Машка, конечно, тоже могла присоветовать, куда обращаться и что делать, но с утра ее не добудишься: она не услышит телефонного звонка, хоть аппарат и рядом с кроватью. Безмятежный сон безмятежной дамы, вокруг которой всегда пасется какой-нибудь джентльмен или даже несколько джентльменов, готовых решить все ее проблемы и помочь бедной девочке.

Марина набрала номер офиса в четырехэтажном флигеле у Московских ворот. Как обычно, трубку сняла секретарша.

– Фирма «Эккотрейдинг». Добрый день.

– Лена, привет, это Марина Самсонова, подруга Марианны. Она сейчас не очень занята?

– Как всегда, очень, – усмехнулась секретарша. – С Финляндией говорит по другому аппарату. Ты подождешь?

Ждать пришлось минуты две. Самсонова слышала, как Марианна обсуждает что-то с финнами на прекрасном английском: наверное, дверь из личного кабинета госпожи Мальцевой в приемную была открыта. Марине всегда было непривычно слышать, как ее бывшая одноклассница переключается с русского на английский, с английского – на немецкий, потом каким-то образом изъясняется на французском, хотя и сокрушается постоянно, что вот с французским у нее не очень… все времени нет заняться.

– Маринка, – наконец прозвучал из трубки голос Марианны, – что там у тебя стряслось? Давай быстро выкладывай, а то у меня на подходе машины с сахаром из Финляндии.

– Славка две ночи не ночевал.

– И?

– Что в таких случаях делают?

Марианна расхохоталась.

– Ну, кто что. Если ты имеешь в виду Славку…

– Я имею в виду себя. Может, случилось что. Я чего-то беспокоиться начала.

– Давненько тебя твой благоверный не беспокоил, – заметила Марианна.

– Ну, муж все-таки. Конечно, не ахти какой, но…

– Так, – деловым тоном заговорила Марианна. – Начнешь с больниц. Потом морги. И в ментовку, естественно. Скорее всего, твой благоверный канаву где-нибудь роет. Благоустраивает наш прекрасный город на Неве.

– Но телефоны… – промямлила Марина.

– Ты что, вчера родилась? – закричала Марианна, которую беспомощность и инертность подруги частенько выводили из себя. – Справочники у тебя в доме какие-нибудь есть?

– Ну да… Но старые только. Телефонный, по-моему, года восемьдесят восьмого.

– Начни с него. Тебе же не новые фирмы нужны. Если выяснится, что каких-то номеров нет – звони в «ноль-девять», в крайнем случае – моей Ленке, она по «Желтым страницам» посмотрит или еще где.

– Ой, Марианна, как ты быстро соображаешь, – вздохнула Самсонова. – Вот я…

– Прости, Мариш, мне на самом деле некогда. Когда все выяснишь, сообщи ситуацию Ленке, чтобы она мне передала. Пока!

Марианна повесила трубку. Марина сходила за старым телефонным справочником и принялась обзванивать перечисленные подругой инстанции.

* * *

– Лена, – снова связалась с «Эккотрейдингом» Самсонова, – Марианну можно попросить к телефону?

– Она на складе. Машины пришли из Финляндии, – сообщила секретарша. – Что передать?

– Славка в «Крестах». Что мне делать?

Елена, выбранная для работы секретаршей Марианны и генерального директора «Эккотрейдинга» Олега Александровича Жеребцова из семнадцати возможных кандидатур, была в состоянии оперативно решать вопросы и давать ответы звонившим. Владела информацией, как любила говорить Марианна.

– Какое предъявлено обвинение? – спросила Лена.

– Мне назвали только номер статьи. Из Уголовного кодекса, наверное, – промямлила Марина.

– Какой номер? У нас в офисе есть Уголовный кодекс. Я посмотрю.

– Сто сорок восьмая.

– Не вешай трубку… – Так, ищу… Вот. Вымогательство. Кстати, к разряду тяжких преступлений не относится. Тут несколько возможных вариантов. Он один вымогал или в составе организованной группы? С применением насилия или…

– Ну откуда мне знать? – перебила Марина. – Понятия не имею.

– Ты что, ничего не выяснила? – поразилась Елена.

– Нет… А сколько за это максимально дают?

– Пятерку с конфискацией.

– С конфискацией?! – Самсонова словно проснулась от глубокого сна. – Ну уж фиг ему, а не конфискация. Он у меня…

– Подожди, у меня второй аппарат звонит.

Лена ответила звонившим оптовикам, что сахар только что пришел. И госпожа Мальцева, и господин Жеребцов находятся в настоящий момент на складе. Свяжутся с покупателями во второй половине дня. Товар в Петербурге.

– Да, Марина? Мне передать Марианне все про твоего мужа?

– Попроси ее, пожалуйста, заехать ко мне вечером. В любое время. Наверное, это надо обсуждать не по телефону.

– Хорошо. До свидания.

Лена повесила трубку.

Самсонова осталась сидеть у аппарата, обхватив голову руками. «Только этого еще не хватало. За вымогательство. Сидит в «Крестах». Господи, если мама узнает… Конечно, узнает. Надо вечером любым способом вытащить Марьянку. И Машку. Позвоню ей часа через два. Или три. Втроем что-нибудь придумаем. Как уже столько раз».

Глава 2

Четверг, 23 марта

Первой к Самсоновой приехала Маша Корицкая.

– Ну твой и отмочил, – выдала она с порога. – Марьянки, конечно, пока нет? Вся в работе, как обычно.

– У нее сахар из Финляндии пришел, – сообщила Марина. – Но сказала, что будет.

– Раз Марьянка сказала – значит, появится, – заявила Корицкая, знавшая деловые качества подруги, которая считала, что нет ничего хуже необязательности.

– Проходи на кухню, – пригласила Марина.

Корицкая разделась, сунула ноги в тапочки, критически осмотрела себя в зеркале, мимо которого не могла пройти ни при каких обстоятельствах, оценила свою фигуру фотомодели: обтянутые джинсами стройные ноги, высокую грудь под облегающим свитером, ниспадающие волнами на плечи золотые волосы – цвет, конечно, не свой, но ей идет.

– Водку будешь? – спросила Марина, доставая рюмки.

– Буду, замерзла, пока до тебя добиралась. Простояла на своем проспекте Ветеранов. Задубела. Тачку поймала. Какой-то пришибленный советский инженер попался. Содрал столько… Зарабатывает…

– Мой вон дозарабатывался. Придумал новый способ. Черт побери, лучше бы машину водить научился и работал на ней утром и вечером. Отцовский «Запорожец» уже сгнил, пока он собирался.

Самсонова разлила водку по рюмкам, достала банку домашних огурцов и хлеб.

В кухню прибежал девятилетний Виталик, увидел рюмки и закуску и резко остановился. Он уже прекрасно знал, что они означают: насмотрелся на папу и дедушку.

– Чего тебе? – спросила Марина.

– Я…

– Хватит мямлить! – заорала мать.

– Ну что ты так, Мариш? – попыталась вмешаться Корицкая.

– Вот когда родишь своего, тогда и будешь воспитывать так, как посчитаешь нужным, – повернулась к ней Самсонова со злым выражением лица. – А это – мой ребенок. Что хочу, то и делаю. Зачем пришел?

– Мама, я…

– Говори нормально! Ты, слава богу, не заика.

«Но может скоро им стать, – подумала Маша, но ничего не произнесла вслух. – С такой обстановкой дома».

– Я попить хочу, – сказал Виталик.

– Ну так пей. Вон вода кипяченая в банке стоит. Можно подумать, не знаешь где. Только давай побыстрее.

Когда Виталик, опустив плечи, ушел из кухни, Маша обратилась к подруге:

– Ну зачем ты так грубо с ним? Зачем на нем-то срываться? Он же ни при чем.

Самсонова опустилась на табуретку, не дожидаясь Корицкой, выпила налитую в рюмку водку и наполнила еще одну, откусила кусок черного хлеба, потом посмотрела на холеную цветущую Машку и вздохнула.

– Да я понимаю, что ни при чем. Меня сейчас все раздражает. Я локти кусаю. Жизнь пошла к чертям собачьим. Ты посмотри, во что я превратилась. Мне в зеркало на себя страшно взглянуть.

– Э, милочка, здесь все зависит от тебя самой. Можно и фигуру, и физиономию в норму привести. Тебе двадцать семь лет! Это что, возраст? На массажик походить, волосики подкрасить, фитнесом заняться. И станешь как новенькая.

– Когда мне ходить-то по всем этим шейпингам и массажам? – воскликнула Марина.

– Ты на своем рынке работаешь через день. Время есть. Марьянка находит, а уж она-то как пашет!

Самсонова попыталась что-то возразить, но Корицкая остановила ее жестом.

– Не надо про то, что у тебя семья. У тебя есть мама и папа. Детьми занимается твоя мать. Готовит, в общем, тоже она. Как говорит наша деловая подруга, захочешь – сможешь. Марьянка хоть и вкалывает по двенадцать часов в день, но успевает в косметические салоны. И утром на тренажере на своем занимается, не знаю уж, как ей силы воли хватает встать на час раньше.

– А деньги я откуда возьму? – спросила Марина.

– Чтобы бегать по утрам или ходить быстрым шагом, деньги не нужны. Костюм спортивный какой-нибудь в доме всегда найдется. И кеды или кроссовки старые. Волосы я тебе сама покрашу. Не придется в парикмахерскую идти. Ну подождешь пока с массажем. До лучших времен.

– Вот так всегда: до лучших времен, – вздохнула Марина. – Давай выпьем за то, чтобы они поскорей наступили.

Подруги чокнулись и осушили рюмки до дна.

– У тебя случайно нет колбасы или сыра? – спросила Маша.

– Ни хрена нет. Конфеты могу предложить, которыми торгую. Чтоб у моих хозяев слиплось в одном месте! И еще – суп из пакета.

– Ладно, хватит хлеба с огурцом.

Корицкая поняла, что для Марины это не вторая рюмка водки за сегодняшний день. И даже не третья и не пятая. Часто что-то подруга закладывать стала. Жизнь у нее, конечно, собачья. Но сама виновата. Никто замуж не гнал.

– Ну так расскажи поподробней, что там твой учудил, – попросила Маша.

Марина налила им еще по одной, дожевала кусок черняшки, отрезала второй.

– Я сегодня не ела, – сообщила она. – Сейчас еще по одной выпьем, я хлебцем закушу и выдам тебе все, что знаю. Может, и Марьянка к тому времени подъедет. Не хочу два раза одно и то же повторять. Вообще этого мерзавца вспоминать не хочется.

– Ты бы хоть маслом хлеб намазала-то, – заметила Корицкая.

– Масло только детям, – ответила Марина.

– О, господи! – воскликнула подруга и подумала: «Ну ничего себе живут люди. Мне крупно повезло, что Маринка этого Самсонова в загс отвела, а я на свободе осталась!»

Казалось, что подруга прочитала ее мысли, потому что заметила:

– Дура я была набитая тогда, в десятом. Ну надо же было в такого козла влюбиться! Что я в нем нашла? Марьянка-то его сразу отшила. А ты ведь тоже имела на него виды. Но я уцепилась. Вас еще ревновала. Боялась домой приглашать, думала, что уведете такое сокровище. Кретинка. Ну почему его никто не увел?!

Корицкая пожала плечами и подумала, что сокровище, подобное Самсонову, никому не нужно. Уж ей и Марьянке точно.

– Давай еще по одной, – предложила Марина. – За нас, за баб.

В кухне появилась мать Марины – Серафима Поликарповна.

– Хватит пить! – заорала она.

«Здесь вообще кто-нибудь разговаривает нормальным тоном? – подумала Корицкая. – Как ни придешь – уходишь с головной болью, потому что все непрерывно вопят друг на друга».

– Здравствуйте, тетя Сима, – поздоровалась Маша.

– Здравствуй, Маша. Ты в курсе уже, что драгоценный зятек учудил? Вымогатель хренов. В «Крестах»! Вдруг кто из соседей узнает… Мне же на улицу тогда не показаться! С бабками на скамейке не посидеть. Людям в глаза смотреть не смогу. Сколько раз тебе говорила, – обратилась она к дочери, – не выходи за него, потом говорила: разводись, ищи нормального мужика. Зачем Аньку

рожала?

– Можно подумать, ты внучку не любишь, – заметила Марина. – То она для тебя – свет в окошке, то – зачем рожала.

– Вот если бы была только Анечка…

В этот момент в дверях кухни появился Виталик. Он услышал последнюю фразу, и у него началась истерика. Далеко не первая. У мальчонки уже была испорчена нервная система, что неудивительно в доме, где постоянно происходят скандалы, нет любви, пьют отец и дед, теперь еще и мать. Мать постоянно унижает и ругает отца, бабушка честит всех подряд, а он сам, как он уже понял в свои девять лет, – нежеланный ребенок. Ни для кого. Только, может, для папы, но папа боится выражать свои чувства, когда поблизости находятся мама и бабушка.

Виталик бился в истерике. Марина, перебравшая водки, вместо того, чтобы утешить сына, начала на него орать. Виталик захлебывался слезами. Корицкая в ужасе наблюдала за разворачивающейся перед ней сценой. Серафима Поликарповна взяла мальчика за руку и повела в комнату, пытаясь успокоить. Правда, это у нее плохо получалось. Ребенок ей не верил.

Самсонова налила еще по одной.

– Огурец будешь? – спросила она у Маши.

– Буду.

– За что теперь пьем?

– За решение всех проблем.

– Все они никогда не решатся, – вздохнула Марина. – Но все равно выпьем.

Подруги лихо осушили рюмки. Прожевали огурцы с хлебом.

– Ты, небось, теперь только дорогие напитки распиваешь, – заметила Самсонова. – «Мартини» там всякие да джины с тониками. Это я, как во все века русская беднота, – водочку. И иногда вермут, который двоюродный братец моего козла из Польши сюда гонит.

– А не заняться ли тебе этим Степановым? – предложила Маша. – Живет один. Детки твои для него все-таки какие-никакие, но родственники. Племянники. Хоть и троюродные. Но плевать. Пусть поможет семье брата. В особенности, если твой отправится в места не столь отдаленные.

– Нужна я ему, пожалуй. Он на таких, как ты, смотрит. У меня после двух родов ни кожи, ни рожи и два хвоста в придачу.

– Я тебе уже говорила сегодня: приводи себя в порядок. Понравишься кому – и польется на тебя золотой дождь.

Марина горько усмехнулась.

– Хоть бы капля одна этого дождя на меня капнула. Ну почему мне никто в семнадцать лет не сказал, чтобы я аборт сделала?

– Тебе все говорили, – жестоко ответила Маша. – Только ты не слушала. Вспомни. Ты думала, мы все тебе завидуем, что ты замужем, а мы нет.

Марина разрыдалась.

– Принеси сигаретку, – попросила она.

Маша сходила в коридор и вернулась с пачкой «Мальборо». Подруги закурили и встретились взглядами.

– Дура я. Дура, – вздохнула Самсонова. – Только себя наказала. Жизнь кончена, Машка. Что мне теперь осталось? Тащить этот воз. И в зной, и в холод торговать на улице. Никому я не нужна.

– Все в твоих руках, как говорит наша деловая подруга. Приведи себя в норму, и познакомим тебя с кем-нибудь. Вон у Марьянки сколько партнеров. По бизнесу, в

смысле. Мне же всех кавалеров она подкидывает. Ну не подкидывает, конечно, но предоставляет возможность с ними встретиться.

– Но сама-то Марьянка до сих пор одна как перст, – заметила Самсонова, снова разливая водку. – Был там какой-то врач, потом бандит. И все. С головой в работе.

– У Марьянки слишком завышены требования. У тебя таких никогда не будет. Как, впрочем, и у меня. Нам другое надо. Мне плевать на то, есть у спонсора интеллект или нет. Был бы кошелек потолще.

– Это ты правильно мыслишь, – кивнула Марина.

– К тому же мужики не любят умных женщин, – продолжала Маша. – Не хотят на их фоне дураками казаться. А на фоне Марьянки мужики бледнеют. Зачем им это? Им нужны подруги, которые в рот смотрят, ловят каждое слово, восторгаются ими и восхищаются.

– Но вокруг Марьянки же роем вьются! – воскликнула Самсонова.

– Вьются, – согласилась Корицкая. – Но что делают-то? Комплименты говорят (заслуженно, конечно), ручку целуют, тосты за нее на всех банкетах поднимают (я много раз слышала, когда меня на эти же банкеты в роли приходящей леди приглашали). А потом Марьяночка на своем «Фольксвагене» отправляется в одиночестве домой, в свою холостяцкую, вернее, стародевическую, квартиру, а все эти бизнесмены идут трахать девок вроде меня. И содержат тоже таких, как я. Ты можешь представить Марьянку у кого-то на содержании?

Самсонова мечтательно уставилась в окно, а потом расхохоталась.

– Вот то-то и оно. Ты понимаешь, о чем я говорю. Не стремись угнаться за Марьянкой. Ни тебе, ни мне это не под силу. Да и не нужно. Пусть себе занимается своим бизнесом. Деньги зарабатывает. Потом лет в тридцать родит ребенка и будет его всем обеспечивать. Но мне такой вариант не подходит. Зачем работать, если мужики есть? Бери пример с меня.

– А меня кто-нибудь согласится содержать? С двумя детьми?

– Детки, конечно, осложнение. Но если потенциальному спонсору понравишься, то на всех хватит. У тебя же запросы в общем-то принижены. Привыкла жить в режиме экономии.

– Поможешь мужика найти?

– Помогу. Но тут лучше посоветоваться с Марьянкой. Чтобы она тебя на какую-нибудь презентацию с собой взяла или куда еще. Как себя вести – тут, конечно, я тебя проинструктирую. – Маша усмехнулась. – Под меня будешь подстраиваться. Под Марьянку бессмысленно: о бизнесе ты разговаривать все равно не сможешь. И не научишься за неделю, даже если Марьянка согласится давать тебе уроки. А вот глазами хлопать и поддакивать – это несложно.

– Как не смогу о бизнесе? – пьяно расхохоталась Самсонова. – Я большой специалист по торговле конфетами. Хорошо изучила уличную систему. Как конфетку туда, конфетку сюда перекинуть – тут я уже кого угодно обставлю.

На кухне снова появилась Серафима Поликарповна.

– Давай потише, – сказала она на удивление ровным тоном. – Виталик только что заснул. И хватит пить. С твоей-то наследственностью.

– Слушай, мать, а зачем ты в таком случае от нашего папани меня рожала? Зачем подарила мне подобную наследственность? Нашла бы нормального, с тугим кошельком, с руками, растущими не из задницы, как у папочки, чтобы обеспечивал и тебя, и меня, а мы не считали бы копейки?

Серафима Поликарповна побагровела и заорала на два тона выше, чем в момент своего первого появления:

– Как ты смеешь такое говорить матери, неблагодарная тварь?! Мы с отцом тебя на ноги поставили, одевали, обували. И вот спасибо. Отец не тот у нее, мать не та. Ты на себя посмотри. За кого ты замуж вышла? Детей нарожала. Нищету наплодила. Ими не занимаешься. Я вместо того, чтобы спокойно отдохнуть на старости, с двумя твоими нянчусь, готовлю, стираю, а ты…

Из комнаты снова послышался плач Виталика. Серафима Поликарповна махнула рукой и бросилась к внуку.

Марина опять налила водки. Бутылка закончилась.

– Не волнуйся, у меня еще есть, – сказала она. – И можем Марьянке позвонить, чтобы она по пути купила.

– Марьянка пить не будет, – заметила Корицкая, которой алкоголь уже ударил в голову. – Она же за рулем.

– Нам купит. И, кстати, родственнику можно звякнуть, чтобы тоже привез. Он собирался заехать. Я Андрюху имею в виду. Он звонил несколько раз.

– А ему чего надо? – спросила Маша.

– Славку искал. Вначале позвонил позавчера вечером. Славка же две ночи не ночевал. Я тогда ответила, что пока его нет, где – не знаю, и это меня мало волнует. Он просил передать, чтобы Славка ему перезвонил, когда появится. Ну, я записку под дверью положила. Утром смотрю – не приходил. Я же вчера работала, так что утром понеслась на точку, особо не беспокоилась. Он уже много раз нажирался и оставался у своих приятелей-алконавтов.

– А чего это ты сегодня так дернулась? Ну, два дня не ночевал. Ну и что? Для нормального мужика, конечно, это необычно, но для твоего-то, по-моему, в порядке вещей.

Марина пожала плечами.

– Трудно объяснить. Понимаешь, Андрюха вчера еще днем звонил – с матерью разговаривал. Потом снова позвонил вечером. На меня нарвался. Я злая, как черт, была, замерзла здорово, да и оборот маленький был. Я наорала на него. Андрюха тоже разозлился, сказал, что Славка вез ему что-то и не довез. Заявил, что потребует с нас компенсацию. И больше никогда не будет подкидывать Славке халтуру.

– А он часто ему халтуру подкидывает?

– Да какая это халтура! – воскликнула Марина. – Посылает куда-то съездить, одно забрать, другое привезти. Разгрузить что-то. Мелочь какая-то. Расплачивается в основном своим вермутом. Иногда деньги какие-то дает. Но до меня они не доходят.

– Давай выпьем за деньги, – предложила Корицкая. – Чтобы они у нас всегда водились.

– Хороший тост, подруга.

Девушки съели еще хлебушка, разрезали напополам последний огурец.

– Ну и чего дальше? – спросила Маша.

– Да ничего, – пожала плечами Марина. – Когда он снова не пришел ночевать, я утром Марьянке на работу позвонила. Она сказала, что надо обзванивать больницы, морги, милицию. Делать мне все равно с утра было нечего, я и села за телефон. Хоть какое-то разнообразие в моей веселой жизни. И здрасьте – пожалуйста! Дорогой муженек в «Крестах» за вымогательство. В следственном изоляторе.

– А у кого вымогал-то? – поинтересовалась Корицкая, снова закуривая. – И сколько?

– А черт его знает. Я позвонила Андрюхе. Сообщила радостную весть. Он несколько минут матерился мне в ухо. Сказал, что по своим каналам попробует что-то выяснить. Может, заедет.

– М-да, – только и произнесла Маша.

– Кстати, Марьянкина секретарша сказала, что за это много не дадут. Не помню точно, сколько, но немного. Правда, может быть конфискация имущества. Но он здесь не прописан. Он у своей матери прописан. Моя тогда костьми легла поперек порога, сказала, что никакой прописки ему не будет. Правильно сделала. Молодец мать.

– Да у тебя и брать нечего.

– Эти менты всегда найдут, что прихватить. Сборщики дани, как опять же говорит наша деловая подруга.

– Посоветуемся с нею, что делать, – заметила Корицкая. – В этом ей нет равных. Она, конечно, не специалист по уголовным делам, но у нее везде есть нужные связи. Тебе, наверное, придется нанять адвоката.

– Что?! – взревела Марина. – Где я деньги на адвоката возьму? Тем более для этого гада. Я сейчас о себе беспокоюсь. Чтобы у меня ничего не конфисковали. А он пусть посидит и подумает о смысле жизни.

Маша серьезно посмотрела на подругу, отрезала еще кусок хлеба, потому что больше есть было нечего, и спросила:

– То есть ты не собираешься вытаскивать Славку? А если он невиновен?

Марина пьяно расхохоталась.

– Посадили – и невиновен? Дыма без огня не бывает. Меня больше всего волнует мое положение. Чтобы не лишиться того, что есть. А это как раз повод для развода. По-моему, если муж сидит, то разводят сразу же. И алименты получать буду. На зоне ведь они работают. Что-то должны мне присылать. Все равно, наверное, больше получится, чем от него на свободе. Там ведь не дадут тратить на выпивку.

– Но ведь муж твой все-таки, – попыталась возразить Корицкая. – Десять лет живешь с ним как-никак. Двоих детей родили. Да и парень он в общем-то неплохой.

– Слушай, подруга, что-то больно ты жалостливая стала. То готова помогать мне искать спонсора, то хочешь спасать этого козла. Кому он нужен? Тебе? Может, пригреешь бедного несчастного преступника-вымогателя? Когда выпустят. Если выпустят.

Маша сидела, не произнося ни слова.

– Ах, не пригреешь, – продолжала Марина. – Не нужен он тебе. Думаешь, мне нужен? Хватит, нажилась. Пусть катится на все четыре стороны. Алименты буду по почте получать. А он…

Маша долго молчала. Марина снова заплакала.

– А ты не думаешь, что он пошел на это ради тебя и детей? – наконец спросила Маша. – Он не знал другого способа заработать деньги. Он ведь понимает, что ничего не умеет. Зарплату ему сколько месяцев не платят?

– Три, – выдавила из себя Марина.

– Поставь себя на его место. Он ведь мужчина все-таки. Если бы я Славку сама не знала… Он нормальный парень был. Да спился. Вернее, пока еще нет, но все идет к тому. Кстати, ты могла бы его остановить.

– Я? Пусть вшивает себе «торпеду», если хочет. Но жертвовать собой ради такого…

– Тоже мне мученица нашлась! – взорвалась Маша. – Сама во всем виновата. Могла из него сделать все, что хотела. И направить туда, куда следовало. Он тебе в семнадцать лет достался. Не в тридцать и не в сорок. Сейчас бы плоды пожинала.

– Что из него можно было сделать?!

– Внушить ему уверенность в свои силы хотя бы. Что он кормилец. Нужен, просто необходим тебе и детям. А ты постоянно позволяла матери унижать его! И сама старалась.

– Да он полное ничтожество! Другой бы на его месте…

– Давно от тебя отвалил. Послал бы подальше и тебя, и твою мамашу.

Самсонова хотела что-то возразить, но промолчала. Закрыла лицо руками. Достала носовой платок из кармана старого халата, высморкалась. Рукавом утерла слезы.

– Да, я тебе только что советовала найти богатого любовника, но ты подумай: Славка ради тебя и детей на все это пошел, – повторила Маша. – От безысходности. Безденежья. Безнадежности. Ему помочь надо. А уже потом решать, разводиться тебе с ним или нет. И вообще, как вам жить дальше. Сесть вдвоем и честно все обсудить. Да, может, стоит разойтись и устраивать свою жизнь по отдельности, пока еще не слишком поздно. Или продолжать жить вместе. Попробовать начать все сначала. Быть терпимее друг к другу. Можно же что-то придумать.

Самсонова глубоко вздохнула и снова закурила.

– Наверное, ты права, Машка. Какой он преступник? Но что мне делать?

– Сейчас приедет Марьянка. Она лучше нас с тобой соображает, что в каких случаях следует предпринять. Выложим ей все. Марьянка что-нибудь придумает. Ты же знаешь.

– Да, для Марьянки не существует безвыходных ситуаций, – кивнула Самсонова. – Пойду принесу еще бутылку.

На кухне появился с трудом ворочающий языком отец Марины. Как обычно, пришел с работы хорошенький, поспал немного и вот вышел перекусить, – в старой, рваной, когда-то белой майке и огромных зеленых семейных трусах. Девчонок он не стеснялся. Плевать ему было на то, что о нем подумают.

Петр Николаевич грохнулся на табурет напротив Корицкой, уставился на нее выпученными глазами, потом перевел взгляд на вернувшуюся в кухню с бутылкой водки дочь.

– Нальешь? – спросил он, увидев в руках у Марины благословенный напиток.

– Налью, – ответила дочь. – Ты чего встал-то?

– Пожрать захотелось. Что у нас есть?

– Суп из пакета. Хлеб вон на столе.

– А еще?

– Конфеты, которыми я торгую.

– Мясо хоть какое-нибудь имеется? Которым мужиков в нормальных семьях кормят?

– У нас семья ненормальная, насколько тебе известно, – ответила Марина, начиная заводиться и переходя на крик. – Ешь, что дают, или вообще ничего не получишь.

– Это ты так с родным отцом разговариваешь?! – взревел Петр Николаевич. – Да я жизнь свою на вас угробил: на тебя, брата твоего и мать. Да я…

В кухне появилась Серафима Поликарповна.

– Замолчи немедленно и отправляйся спать, – приказала она.

Петр Николаевич сразу поник. Он уже много лет жил в страхе перед женой. Плечи его опустились, он заговорил совсем другим тоном:

– Мне поесть бы чего, Сима. Что дашь.

– Разогрей суп отцу, – велела Серафима Поликарповна дочери. – Я пойду с детьми заниматься. Ведь больше некому.

На кухню прибежала четырехлетняя Анечка.

– Можно мне молока? – спросила она.

– Сейчас согрею, – ответила Марина.

– И лимонную конфету.

– Мама, дай ей конфету.

– Хватит на сегодня. Опять вся сыпью покроется.

Анечка заревела в голос.

– Дай, чтобы только успокоилась. Хватит нам воплей без ее рева.

– А по поликлиникам кому с ней ходить? Ты, что ли, будешь? – снова заорала Серафима Поликарповна. – А деньги на лекарства где брать? Твой вымогатель, что ли, подкинет? Довымогался. Теперь еще ему, наверное, передачки придется носить.

– Вы это о чем, бабы? – спросил Петр Николаевич, который еще не знал о местонахождении зятя.

– Муженек твоей дочери в следственном изоляторе трезвеет, – сообщила Серафима Поликарповна. – Нам в семье только преступников не хватало.

– Ну посидит пятнадцать суток и отпустят, – невозмутимо ответил Петр Николаевич, которому и в голову не могло прийти, что зятя задержали за что-нибудь серьезное.

– Ты слышал, что я сказала, или нет? – заорала Серафима Поликарповна. – Или еще теперь и оглох ко всему в придачу? Он не в вытрезвителе, а в следственном изоляторе. В «Крестах». Слышал про такое место?

– Чего? – выпучил глаза на жену Петр Николаевич.

– Вот того самого. На бутылку ему не хватало, – представила свою версию теща. – Выбрал легкий способ. У кого он там деньги-то требовал, Марина?

– Понятия не имею.

– Где мое молоко? – снова закричала Анечка.

– Ты видишь, что я его грею? – повернулась к ней Марина.

– Слишком долго греешь, – ответила четырехлетняя дочь.

– Ты еще будешь мне указывать…

– Не ори на ребенка! – завопила Серафима Поликарповна. – Могла бы и побыстрее.

– Что мне, задницей на плиту сесть, чтобы она лучше работала? – закричала в ответ Марина.

«Сумасшедший дом, – подумала Корицкая. – И как Славка терпит все это целых десять лет?»

Маша молчала, сидя в углу и стараясь не привлекать ничьего внимания, потому что знала, что в противном случае достанется и ей. Пару раз в прошлом Серафима Поликарповна ополчалась на нее, пыталась воспитывать, Маша вставала на дыбы, ругалась в пух и прах с Мариной и вылетала из их квартиры как ошпаренная, давая себе обещание никогда больше не видеться с Самсоновой. Но через некоторое время подруга звонила с извинениями, слезно умоляла приехать.

Корицкая прощала. Марьянка появлялась здесь гораздо реже: ей было просто некогда, да и далеко не всегда она позволяла вылить себе на голову холодный ушат, который обычно к встрече с подругами готовила Марина. Маша была слабее. Ее можно было напрячь. К тому же она нигде не работала, что знали и Марина, и ее мать.

Наконец молоко согрелось. Анечке налили стакан. Марина наполнила второй и понесла его Виталику. Отец отрезал себе кусок хлеба и молча жевал. Серафима Поликарповна достала из холодильника суп и поставила на плиту.

– Сам за ним посмотришь, – сказала она мужу и направилась в комнату к внукам.

Вернулась Марина, поставила на стол еще одну рюмку – для отца, откупорила новую бутылку водки, разлила на троих.

– А что, Славка, правда, в «Крестах»? – спросил отец.

– Правда.

– За что?

– Мать же сказала: за вымогательство.

Петр Николаевич покачал головой.

– Давайте за то, чтобы поскорее вышел, – предложила Марина.

Маша и Петр Николаевич подняли рюмки. Все чокнулись. Выпили.

В этот момент раздался звонок в дверь.

– Наконец-то! – воскликнула Марина.

– Кто это? – спросил отец.

– Мы Марианну ждем, – сообщила Маша и выглянула в окно, рядом с которым сидела. – Мариш, она без машины. Нет ее «Фольксвагена».

– Догадалась, что пить будем, – ответила Самсонова и пошла открывать.

Она не стала смотреть в глазок, а просто распахнула дверь и уже собралась пожурить подругу, что та слишком долго возилась со своим сахаром, но только открыла рот.

На пороге стоял мужчина лет тридцати пяти и показывал ей служебное удостоверение. Он был в штатском.

– Капитан Ухов, – представился он. – Я могу зайти?

– Э… но…

Марина не находила слов. Она опешила. Ей ни разу в жизни не приходилось разговаривать с кем-нибудь из милиции. Она ждала Марианну, которая

придумает, что делать. А тут… «Только этого еще не хватало. Господи! Скорее бы приехала Марианна».

– Самсонова Марина Петровна? – спросил капитан Ухов.

– Да, – кивнула Марина, пожалевшая, что так много выпила. Но кто же мог предположить, что появится этот капитан Ухов?

– Я могу зайти? – повторил вопрос капитан. – Или мне пригласить вас к нам?

– Проходите, – угрюмо сказала Марина, отступая в сторону. Ей совсем не хотелось получить приглашение «к ним».

– Кого там еще черти принесли? – послышался пьяный Машкин голос.

Подруга вылетела в коридор и резко остановилась от удивления. Она видела этого мужчину где-то с неделю назад выходящим из кабинета Владимира Вениаминовича, нынешнего ее спонсора. Тогда Корицкая примчалась в фирму к господину Картушу: они собирались на очередную презентацию, но секретарша «папы Вовы» предложила ей подождать в приемной: у господина Картуша исключительно важный разговор, он просил не беспокоить его ни при каких обстоятельствах. Они тогда опоздали на презентацию. Нежданный гость тоже узнал Машу. Она девочка запоминающаяся. В особенности для мужского глаза.

Корицкая, открыв рот, смотрела на вновь прибывшего. Он тоже несколько удивился, но мгновенно взял себя в руки.

Марина закрыла входную дверь. Капитан Ухов повесил пальто на крючок в прихожей, скинул ботинки, сунул ноги в приготовленные Мариной тапочки.

Корицкая молча стояла у двери в кухню.

– А вы кто? – наконец спросила она у вновь прибывшего.

– Капитан Ухов. Я веду дело Вячеслава Самсонова. Могу я попросить вас представиться?

– Маша.

Капитан Ухов усмехнулся.

– Фамилия, имя, отчество?

– Корицкая Мария Станиславовна.

Глава 3

Некоторое время назад

Года три назад бабушка Маши, жившая на Петроградской, предложила сделать семейный обмен, чтобы не пропала жилплощадь. Машу прописали к бабушке, а бабушку, в свою очередь, туда, где жили Машины родители. Месяца через два бабушка резко сдала: как чувствовала, что скоро ей потребуется постоянный уход. Маша после нескольких скандалов перебралась на Петроградскую.

Мама, естественно, не хотела выпускать дочку из-под зоркого ока. Но Маша ухватилась за единственный пока реальный шанс жить отдельно от дорогих родителей.

Своя жилплощадь, конечно, позволяла развернуться. Но ее вскоре стало недостаточно. Корицкая начала целенаправленно искать спонсора, который купил бы ей новую квартиру. Это для Марианны было неприемлемо становиться содержанкой, а для Маши очень даже приемлемо. Зачем работать, если есть мужики? Машка и не работала. Ни дня в своей жизни. Найти спонсора, который бы поил, кормил, одевал, обувал, труда не составляло. Исчезал со сцены один – появлялся другой. Девочка пользовалась большим спросом. Оттачивала свою технику. Знала, какая тактика работает безотказно.

Марианна иногда приглашала Машу поприсутствовать на каких-то там банкетах, фуршетах и презентациях. Приглашала с одобрения своего начальника, Олега Александровича, одного из немногих мужчин, на Машу абсолютно не реагирующих. Ну и не нужны нам деды! Олегу Александровичу было лет

пятьдесят пять, а в подругах он имел молодую тетку Марианны, Ларису. Марианна работала вместе с Жеребцовым всегда: вначале лаборанткой на кафедре, где он был завлабом, потом в его фирмах, вплоть до теперешнего «Эккотрейдинга». Олег Александрович быстро разобрался в том, какую бесценную сотрудницу он приобрел. Сотрудница очень скоро стала первой помощницей, потом партнером. В общем, правой рукой. На подругу Марианны Машу Корицкую Олег Александрович смотрел только как на девочку по вызову, видел, что клиенты на нее хорошо реагируют, поэтому приглашал – к всеобщему удовлетворению. Корицкая получала деньги и нового спонсора, Марьяна и Олег Александрович – довольного клиента.

Однако бедной девочке Маше деньги на квартиру пока никто не выкладывал. Содержали, иногда приглашали жить у себя, один банкир даже два месяца снимал ей достойное жилье, чтобы к ней туда наведываться, но купить не покупали.

Корицкая тщательно проанализировала ситуацию. Разделила мужчин на группы. Инженеры и работяги отметались сразу же. Эти не только квартиру не купят, а сами захотят, чтобы им жена чего-то подкидывала да еще и на работу устраивалась. Подобная судьба Машу совсем не прельщала. Она уже успела убедиться на нескольких примерах, к чему приводят браки по любви. Безденежье, беспросветность, муж начинает пить, ты кусаешь локти, молодость ушла, фигура пропала, никому теперь не нужна. Идти некуда. Спасибо, не надо. В такой ситуации любовь быстро испаряется. Вон Самсонова обожала дорогого Славика. Теперь честит его на чем свет стоит.

Она, Маша, – свободная молодая женщина. Пока. Она ищет. Пусть меньше нравится, но побогаче. И чтобы готов был тратить свои деньги на Машеньку. Удовлетворять ее прихоти.

Иностранцы тоже не годились: Маша не собиралась никуда уезжать.

Оставались три категории: бизнесмен, бандит и банкир. Корицкая начала проводить маркетинговое исследование. Иногда оно прерывалось появлением разгневанной жены, вытаскивающей мужа-бизнесмена из квартиры молодой шалавы, и возвращением его в лоно семьи.

Однажды Маша ловила машину. Остановился шикарный серебряный «Ниссан», распахнулась дверца, девушку предложили подвезти. Несколько секунд она колебалась, но в самом деле опаздывала на какой-то там Марьянкин фуршет. Села. Денег господин Кунанбаев не взял. Взял телефон. Позвонил. Встретились. Сводил в ресторан – в гостинице «Пулковская», где он тогда останавливался. Потом предложил подняться в номер. Поднялись. Расплатился щедро.

Алькен уехал домой в Джамбул и сказал, что снова будет в Питере с крупной партией товара недели через три. Позвонил. Опять встретились. На этот раз он прилетел всего на два дня. Но в следующий планирует не меньше чем на месяц. Попросил Машу подыскать квартиру. Он снимет. И она из своей коммуналки хотя бы временно переберется. Корицкая начала задумываться, не «обломится» ли здесь. Вначале снимет, потом купит… На ее имя. Алькен появлялся в Питере то на пару дней, то на недельку, то на месяц. Всегда оставлял достаточно денег, чтобы Маша жила безбедно до его следующего приезда и на других мужчин не смотрела. Она, конечно, смотрела. И на нее смотрели. Запасные варианты никогда не помешают – на тот случай, если Кунанбаев не приедет в следующий раз.

Маша начала намекать Алькену на то, что неплохо бы купить квартиру в Питере. Ведь в общем-то будет дешевле, чем все время снимать. И ей удобнее. А она его всегда хлебом-солью встречать будет. Сидеть и ждать в этой квартире. Алькен долго не говорил ни да, ни нет, но Корицкая не оставляла мысли все-таки получить «подарок». Она пришла к твердому убеждению, что от наших мужчин точно ничего не дождешься. А вот от восточного… Не исключен вариант, не исключен. Марианна с Мариной пришли в ужас, когда узнали о новом спонсоре.

– А с квартирой что? – спросила все-таки практичная Марианна.

– Провожу работу, – ответила Корицкая.

И она проводила. Упорно и настойчиво. Примерно через год знакомства Алькен наконец созрел. Купил двухкомнатную. Маша переехала. Предыдущую конуру она, конечно, оставила за собой. На всякий случай.

Больше всего Корицкую выводили из себя приемы, которые ей приходилось устраивать друзьям Алькена. Его одного еще можно было терпеть, но целую компанию подобных ему… Ужас. Но в таких случаях она всегда говорила себе,

что отрабатывает квартиру.

Машкины родители с ней не разговаривали после того, как узнали про Алькена. Но Корицкая популярно объяснила маме, к чему приводит брак с простым советским гражданином – взять для примера хотя бы папу. Или ее подругу Марину Самсонову. Любовь быстро уходит, и ничего не остается. А Маша, хотя без любви, но с квартирой. Жилищный вопрос решен. Теперь надо бы машину. Корицкая не сомневалась, что получит и ее.

У Кунанбаева возникли какие-то проблемы с городскими ребятами – то ли «казанскими», то ли «тамбовскими». Маша не вникала в суть. Тут Алькен абсолютно прав: зачем себе голову забивать тем, что ее не касается. Но коснулось.

Как-то поздно вечером в дверь позвонили. Алькен, не спрашивая, открыл. Думал, что кто-то из своих. Но оказались не свои, а русские – накачанные парни в кожаных куртках. Машу закрыли в комнате, сами вместе с Алькеном прошли на кухню – поговорить.

К счастью, один телефонный аппарат остался в комнате. Корицкая набрала номер Марианны. Та уже спала.

– Что мне делать?! – залепетала дрожащим от страха голосом Маша.

– Пока ничего, – ответила Марианна. – Тебя ведь не трогают. И, скорее всего, не тронут. Так что сиди тихо. Если что – перезвонишь еще раз.

– Может, милицию вызвать?

– Ты что, очумела? – закричала Марианна. – Вот тогда тебе точно не поздоровится. Не забывай, что Алькен в любой момент может умотать к себе на родину, а тебя с собой не возьмет. Тебе здесь жить.

Маша тихо сидела, внутренне содрогаясь. Она не слышала, что говорилось на кухне. Ребята ушли часа через полтора. Алькен вернулся в комнату белый, как смерть. Выпил всю водку, что была в доме. Маше ничего не сказал. Через два дня уехал. Обещал позвонить перед тем, как приедет снова.

Вскоре Корицкая поняла, что за ней следят. Ей стало по-настоящему страшно. Марианна посоветовала временно переселиться назад. Маша последовала совету подруги. Через месяц вернулась в новую квартиру. Кунанбаев не звонил. Пришло время подыскивать спонсора, который купит машину. Хватит давиться в общественном транспорте.

Марианна обещала подумать над этим вопросом. Недели через две сообщила, что они с шефом приглашают ужинать важного партнера, желательно, чтобы была еще одна дама. Олег Александрович знает, как реагируют мужчины на Машу. Согласен на ее кандидатуру. Но есть и задание: выяснять у клиента то, что требуется Марианне и Олегу Александровичу. И проталкивать мысли, которые они хотят протолкнуть.

– Хотите сделать меня своей шпионкой? – хохотнула Корицкая.

– Для разнообразия.

– Да, профессии у меня весьма специфические. Прости, господи.

Владимир Вениаминович Картуш занимался какими-то финансовыми операциями, правильнее будет сказать, махинациями. Обеспечивал получение кредитов. Предоставление гарантий. Имел связи в нескольких банках, хотя ни в одном из них не работал. Был в состоянии помочь открыть магазинчик на Невском.

За ужином речь шла о какой-то частной компании, в которую также влез господин Картуш, с большим пулом из азиатских и других частных инвесторов. Марианна встретилась взглядом с Корицкой, как бы говоря: «Видишь – и здесь Восток. Твоя специфика». Эта компания каким-то образом, совершенно непонятным Маше, финансировала различные проекты. Господин Картуш, как выяснилось, может обеспечить предоставление ссуды в размере до пятидесяти миллионов долларов. Маша навострила ушки.

Марианна, Олег Александрович и Владимир Вениаминович вроде бы говорили по-русски, но о чем – Корицкой было совершенно непонятно. Слова вроде бы все наши, но она не знала значений или не могла их связать. «Ну и умна же Марианна, – думала Корицкая о подруге. – Как можно было все это выучить?»

Говорили о каких-то аккредитивах, краткосрочных векселях, облигациях с рейтингом «ААА» (это еще что такое?). В процедуру предоставления кредита, тип обеспечения и структуру выплаты комиссионных Маше было не вникнуть, каких бы усилий для этого она ни прилагала.

Наконец обе стороны, получив интересовавшую их информацию, заулыбались, перестали с серьезным видом обсуждать свои проблемы, вспомнили о Маше, и разговор повернул в другое русло. Теперь в него могла включиться и она. Корицкая захлопала глазками и начала беззаботно болтать. Марианна и Олег Александрович иногда вставляли по предложению. Они казались удовлетворенными. По крайней мере, на этом этапе.

Владимира Вениаминовича перед рестораном ждал молодой, хорошо накачанный водитель на девятьсот сороковом «Вольво». «Ничего себе, – подумала Маша. – Пахнет хорошими деньгами».

Марианна, во время деловых переговоров никогда не принимавшая ни грамма, повезла шефа домой. Они оба пока обходились без телохранителей. В офисе, конечно, была своя охрана, но личных водителей еще не завели. «Но, видимо, только пока, – считала Корицкая. – А могла бы убить сразу двух зайцев. Как младшая принцесса Монако».

Владимир Вениаминович вызвался подвезти Машу. Ее квартира находилась на проспекте Ветеранов – район непрестижный, конечно, но Алькен купил там дешевую двухкомнатную. Плохая двухкомнатная лучше, чем шикарная однокомнатная.

– Как далеко вы живете, Машенька, – сокрушался Владимир Вениаминович. – Какой район неудобный.

– Да, здесь, конечно, нужна машина, – вздыхала Корицкая. – Просто мечтаю научиться водить. И не зависеть от общественного транспорта.

Водитель молча вел машину, не обращая внимания на разговоры на заднем сиденье. Видимо, давно привык. Он даже не взглянул толком на Машу, что ее здорово покоробило, потому что на нее, как правило, обращали внимание все мужчины, с которыми приходилось сталкиваться. Зато, как заметила Корицкая, парень уставился на Марианну, которая, в свою очередь, не обратила на него

никакого внимания.

Маша предложила Владимиру Вениаминовичу зайти на кофеек.

– А мама ничего не подумает… – начал он.

– Я живу одна, – мило улыбнулась девушка.

– Антон, я скоро, – бросил Владимир Вениаминович водителю.

Антон промычал в ответ что-то нечленораздельное.

Владимир Вениаминович внимательно осмотрел Машины хоромы, но не стал задавать лишних вопросов. Они попили кофейку, но задерживаться Картуш не стал, взял номер телефона, обещал позвонить.

Позвонил через пару дней. Встретились. Потом еще и еще. На ночь никогда не оставался. Возвращался в семью. И вообще укладывал Машу в постель гораздо реже всех предыдущих любовников. Возраст?

Корицкая попросила Марианну выяснить, кто его жена, есть ли дети, ну и так далее.

Оказалось, что живет Картуш со второй, лет на пятнадцать моложе себя. Ему около пятидесяти пяти. С дочерью от первого брака и внуком часто встречается. Очень к ним привязан.

Маша начала думать, не «залететь» ли ей от Владимира Вениаминовича, если он, конечно, еще может зачать ребенка: Корицкая решила, что неплохо бы заиметь его в мужья. Будет ее и ребенка демонстрировать друзьям-партнерам.

С «залетом» чего-то не получалось. Маша забеспокоилась, все ли в порядке с нею самой: может, что разладилось в организме после первого аборта. Но в консультации ее успокоили. Оставалось ждать результатов. Не пошлешь же Владимира Вениаминовича на обследование!

Корицкая регулярно сопровождала его на всякие презентации, фуршеты, банкеты. Дел своих он с ней не обсуждал. Один раз, когда Маша попыталась задать вопрос, интересовавший Марианну, Владимир Вениаминович расхохотался и заявил, что обсудит это с ее подругой. И в офисе, а не в постели. Потому что хорошенькая Машенькина головка не должна забиваться проблемами бизнеса и их перемалывать.

– А у Марианны, по твоему мнению, головка не хорошенькая? – решила выяснить Корицкая. Она точно знала, что Марианна видов на господина Картуша никаких не имеет, но неплохо бы знать, что он сам думает по поводу деловой подруги. На всякий случай. Чтобы ничто не нарушило Машины планы.

– Марианна – красивая женщина, – с серьезным видом заявил Владимир Вениаминович. – Но думает в основном о работе. Слишком самостоятельная. Очень независимая. Ей будет трудно выйти замуж. Мужчины не любят таких. Ты объясни ей это как-нибудь, Маша. Правда, она, наверное, сама все знает. Но избрала такой путь. Я уважаю Марианну. Но жить с такой женщиной никогда не смог бы. Она добьется всего в жизни, но в любви будет несчастлива.

Корицкая молча согласилась с Владимиром Вениаминовичем и еще раз убедилась в том, что она-то выбрала самый правильный путь, не в пример дорогим подругам Марианне с Мариной. У Марианны хоть есть все, что захочет, в материальном плане. Но какой ценой…

Где-то с неделю назад Корицкая должна была сопровождать Владимира Вениаминовича на какую-то презентацию. Он позвонил и попросил ее поймать машину и самой добраться до его офиса. Он ждет одного человека: назначена исключительно важная встреча. Может, даже опоздают на презентацию. Машеньке придется подождать у него в конторе.

Секретарша Владимира Вениаминовича Наташа угостила Корицкую кофе. Маша всегда считала, что с секретаршами нужно поддерживать хорошие отношения: чтобы были своими людьми и ставили в известность, если что… После поездки в Париж с Владимиром Вениаминовичем Корицкая привезла Наташе флакон из Музея духов и всегда, заглядывая в офис, дарила то шоколадку, то баночку кофе… Наташа это ценила. И всегда удовлетворяла Машино любопытство.

На этот раз они просто болтали о новинках моды. Корицкую совершенно не интересовало, что за мужик находится в кабинете у Владимира Вениаминовича. Главное, что не соперница. Наконец неизвестный Маше тип и папа Вова вышли. Неизвестный внимательно посмотрел на Машу. Как сфотографировал. Они распрощались с Владимиром Вениаминовичем. Посетитель сел в старенькие «Жигули», папа Вова и Маша – в «Вольво».

Владимир Вениаминович был мрачен, но причину своего плохого настроения с Корицкой не обсуждал. С ней он отдыхал и расслаблялся. Маша забыла об этом мужчине, и уж никак не предполагала снова встретить его. И где! В квартире Самсоновых.

«Капитан Ухов, черт побери. Из ментовки. Только его нам и не хватало».

Глава 4

Четверг, 23 марта

– Я должен допросить вас, Марина Петровна, и других членов вашей семьи. Я решил сделать это в неофициальной обстановке. А раз уж Мария Станиславовна оказалась здесь, то и с ней тоже побеседуем, – заявил капитан Ухов.

– Проходите на кухню, – пригласила Марина.

Из большой комнаты выскочили Виталик и Анечка. За ними следовала Серафима Поликарповна.

– А вы кто? – спросил Виталик.

– Кто это еще? – обратилась Серафима Поликарповна к дочери.

– Капитан Ухов, – представился вновь прибывший. – Я веду дело вашего… зятя, видимо.

– Вы из милиции? – уточнила Серафима Поликарповна.

– Да, – кивнул Ухов.

– Подержите там у себя подольше этого мерзавца, – изрекла Серафима Поликарповна. – Мы к нему со всей душой, а он так опозорил нашу семью. Негодяй.

Капитан удивленно посмотрел на Серафиму Поликарповну и подумал, что не приведи господи заполучить такую тещу.

– И мозги ему вправьте, – продолжала Серафима Поликарповна. – Кстати, а алименты с него какие-нибудь будут вычитаться, пока он там у вас сидит? Ведь вы ему пить не дадите, так что весь заработок должен быть целехонек.

– Пока не может идти речь ни о каких алиментах. Ваш зять находится в следственном изоляторе. Сейчас ведется следствие, потом состоится суд, ну а в дальнейшем… Да, алименты должны будут перечисляться на ваших внуков.

– Вот и прекрасно, – успокоилась Серафима Поликарповна и повернулась к Виталику и Анечке. – Дети, возвращайтесь в комнату. Дядя милиционер пришел поговорить с мамой.

– А где папа? – спросил Виталик. – Его что, на пятнадцать суток посадили? Рыть канаву?

Капитан Ухов весьма удивился познаниям ребенка и обратился к нему:

– А ты знаешь, за что сажают на пятнадцать суток?

– Конечно, знает, – ответила за внука Серафима Поликарповна, словно подобные познания в девять лет были чем-то само собой разумеющимся. – С таким папочкой.

– За пьянку, – сказал Виталик. – А у меня папа поддавальщик. И дедушка тоже.

– Что вы там несете, черт побери?! – взревел Петр Николаевич, слышавший весь разговор и до поры до времени не издававший ни звука.

Петр Николаевич показался в коридоре. Капитан Ухов сразу же понял, почему девятилетний ребенок так хорошо просвещен по определенным вопросам. Внешний вид дедушки говорил о многом.

– Здрасьте, товарищ начальник, – поздоровался отец Марины и вытянулся по стойке смирно перед стражем порядка, хоть тот и был в штатском, а не в форме.

– Добрый вечер, – ответил Ухов. – Вы – тесть Самсонова?

– Он самый. И отец вот этой, – кивнул Петр Николаевич на Марину. – Мадам Самсоновой, – усмехнулся он. – А также муж вон той, – кивок в сторону Серафимы Поликарповны. – Мадам Барыгиной. А сам я – Барыгин Петр Николаевич. А чего с зятьком-то стряслось?

– Вы не в курсе? – спросил Ухов.

– Меня бабы ни о чем в известность не ставят, – сообщил Петр Николаевич, хотя уже знал, что Славка в «Крестах» за вымогательство, но ему, видимо, захотелось услышать детали. – В этом доме я все узнаю последний. Чего он учудил-то? Сморозил чего по пьянке? Я-то тихо пью. Выпью и спать ложусь. У меня баба строгая.

– Вашему зятю предъявлено обвинение по сто сорок восьмой статье. Вымогательство, – сказал капитан Ухов.

– На бутылку, что ли, не хватало?

– Он требовал на целый контейнер, – заметил Ухов.

– Чтобы хватило на всю оставшуюся жизнь, – вставила Серафима Поликарповна. – Чтобы напиться – так напиться.

– Хватит, мама, – повернулась к ней Марина.

– Чего хватит? Чего хватит? Ты мне рот не затыкай. Я тебе сколько раз говорила: не выходи за него, не выходи за него, не рожай от него, по крайней мере, вторую. Разводись. Нет, не слушала. Считала себя самой умной. Вот получай теперь. Расхлебывай. Может, еще передачки ему в тюрьму носить вздумаешь? От меня он куска черствого хлеба не дождется.

Серафима Поликарповна схватила детей за руки, развернулась, проследовала в большую комнату и громко хлопнула дверью.

– Проходите на кухню, товарищ капитан, – обратился к милиционеру Петр Николаевич. – Чего стоим-то в коридоре, Маринка?

Петр Николаевич пошел первым.

– Если не возражаете, – посмотрел Ухов на Машу, – я хотел бы позднее поговорить и с вами.

– А если возражаю? – спросила Корицкая, храбрая после выпитой водки.

– Тогда придется пригласить вас к нам. Или все-таки предпочтете здесь?

– Предпочту здесь, – ответила Маша и пошла в большую комнату вслед за Серафимой Поликарповной.

Капитан пропустил вперед Самсонову и оказался на кухне вместе с Петром Николаевичем и его дочерью. Огляделся, увидел, что здесь недавно пили и что не только Петр Николаевич, но и Самсонова, и удалившаяся Корицкая далеко не трезвы.

– Садитесь, – кивнула Марина на табуретку. – Водку не предлагаю: вы на службе, насколько я понимаю.

– Правильно понимаете.

– А чего будет со Славкой? – спросил Петр Николаевич.

– Пока что ведется следствие, – ответил Ухов. – Марина Петровна, мне хотелось бы переговорить с вами с глазу на глаз.

– Тогда пойдемте в маленькую комнату, – пожала плечами Самсонова и направилась к двери.

Ухов и Самсонова вошли в десятиметровую комнату, где обычно спали Марина со Славкой и Анечка в своей детской кроватке. Все углы были заставлены: шкаф, тумба с зеркалом, неизвестно каким образом втиснутые по обеим сторонам тумбы кресла. Кругом валялись детские вещи, выстиранное, но не выглаженное белье, игрушки. Марина убрала с одного из кресел все, что на нем лежало, и кивком предложила Ухову сесть. Сама опустилась на никогда не убирающийся диван.

Ухов молча продолжал оглядываться по сторонам.

– А ему много дадут? – спросила Марина.

Ухов пожал плечами.

– Сейчас сложно об этом говорить, – ответил он. – Ваш муж, кстати, до сих пор не проронил ни слова. Назвал только имя, фамилию, отчество, год, место рождения и адрес. Все.

– Партизан, – усмехнулась Марина.

Ухов внимательно посмотрел на нее и достал блокнот.

– Кто такая Мария Корицкая? – спросил он.

– Моя подруга, – ответила Самсонова, несколько удивившись тому, что мент вначале спросил о Машке, но тут же решила, что Ухов-то все-таки мужик, а все мужчины на Машку ох как реагируют. Классная девка Машка. Вот и капитан пришел допрашивать ее про Самсонова, а тут же захотел поговорить и с Машкой. О чем только, интересно? Не о Славке же.

– Вы давно с ней знакомы?

– В одном классе учились. С семьдесят пятого года. Двадцать лет. И муженек мой драгоценный с нами же учился. Только он в девятом к нам пришел.

– Понятно, – медленно произнес Ухов, анализируя межличностные отношения. – Вы допускаете возможную связь вашего мужа с Корицкой?

– Что?! – Марина расхохоталась. – Да на что он ей сдался? Он гол как сокол. И внешне даже посмотреть не на что. Была когда-то смазливая физиономия, я, дура, позарилась, а теперь и этого нет: спился. Машка других мужиков любит. С деньгами, на иномарках, а мой-то…

Марина махнула рукой.

– А почему вы спросили?

– Мы обычно стараемся расследовать все аспекты.

– Этот исключен, – горько усмехнулась Марина. – Славка Машке ни под каким соусом не нужен. Он бы на нее, конечно, мог позариться, но она его к себе на километр не подпустит.

– Где работает ваш муж?

– Неужели не сказал? Тоже мне тайна! «Амарант». Это какое-то ОАО или еще черт знает что. Я не в курсе, как их там переименовали. Суть-то одна. Зарплата – копейки.

Марина внезапно разрыдалась.

«Здорово напилась», – подумал Ухов и произнес вслух:

– Успокойтесь, пожалуйста, Марина Петровна. Успокойтесь.

– Легко вам говорить, – процедила Самсонова. – Я не знаю, как свести концы с концами, чем детей кормить, а тут еще муженек учудил. Кого он хоть шантажировал?

– Как вы узнали, что он кого-то шантажировал?

– Он две ночи не приходил ночевать. Ну, по одной бывало. Засыпал где-то у приятелей. Правда, обычно звонил. Днем, когда проспится. В общем, я как-то обычно особо не беспокоилась. Нажрался и нажрался. Проспится – придет. А тут его двое суток не было. Ни слуху ни духу. Еще двоюродный брат его звонил несколько раз. Славка ему что-то там вез и не довез.

– Фамилия, имя, отчество двоюродного брата? – сразу же навострил уши капитан.

– Степанов Андрей Валерьевич. Ну вот. Я начала звонить по моргам, по больницам, потом к вам. Ну и выяснила. Андрюха тоже звонил. Сделал нам всем подарочек мой благоверный.

– Где и кем работает Степанов?

– Андрей-то? – переспросила Марина, сморкаясь и вытирая слезы. – Бизнесмен. С Польшей торгует. Фирма у него. Небольшая, но своя. Я Славке его все время в пример ставлю. Вкалывает человек.

– Как называется фирма Степанова?

Марина задумалась.

– Честно, не знаю, – наконец сказала она. – Наверное, слышала когда-то, но не помню. Но Андрюха, вероятно, приедет к нам сегодня. Вы у него сами спросите, если подождете.

– Адрес фирмы или хотя бы где она расположена сказать можете?

– На какой-то окраине. Отсюда через весь город ехать. Часа полтора общественным транспортом. Это я от Славки слышала. Андрей в свое время хотел его взять водителем, так мой козел даже машину водить не умеет. Ездил к Андрею на автобусе, да на метро, да еще там на чем-то.

– Ваш муж поддерживал регулярные отношения с Андреем Степановым?

– Андрюха ему иногда халтурку подкидывает. А домами в общем-то не общаемся. На разных мы уровнях. Сами знаете, какое за последние годы расслоение произошло. То вроде бы все были равны, а теперь… Гусь свинье не товарищ.

– Но вы только что сказали, что Степанов обещал заехать к вам сегодня?

– Обещал, – пожала плечами Марина. – Родственник все-таки. Он же знает, что нам не к кому обратиться. Может, что посоветует. Он с работы звонил. Не хотел, наверное, выяснять все детали по телефону.

– Какие детали?

– Ну откуда мне знать? – взорвалась Марина. – Я вообще знаю только то, что моего благоверного посадили за вымогательство. У кого хоть вымогал и сколько? Откройте секрет.

– Я пришел к вам, чтобы получать информацию, а не давать ее, – заметил Ухов.

Марина махнула рукой.

– Ладно. Чего там еще?

– С кем из друзей вашего мужа вы знакомы лично?

– А ни с кем. О чем мне говорить с этими алкашами? И не друзья это, а собутыльники.

– Какие-нибудь фамилии назвать можете?

– Не могу. Я их всегда отсюда гоняла. Да и мать эту компанию на порог бы не пустила.

– То есть его друзья у вас в доме не бывали и вы лично с ними не встречались?

– На улице не узнаю, если нос к носу столкнусь.

Ухов замолчал. Молчала и Марина.

Было тошно. Она совершенно не представляла, что теперь делать. Она вообще не привыкла принимать решения. Их за нее обычно кто-то принимал. Как правило, мать. Сама она сделала это дважды – когда вышла замуж за Славку и когда родила Аньку. И вот что получилось из этого. Надо было слушать мать. И девчонок. Она, дура, думала, что ей завидуют. Додумалась.

Женщина подняла глаза на сидевшего напротив милиционера, обвела глазами вечный беспорядок в комнате, снова вздохнула.

– Еще что-нибудь? – спросила она у Ухова.

– Для первого раза все. В дальнейшем…

– Для первого раза?! – перебила Марина.

– Конечно. Вы думаете, что следствие закончится за один день? Тем более, ваш муж отказывается отвечать на наши вопросы.

– Давайте я с ним поговорю, – внезапно предложила Марина.

– Пока свидания с родственниками ему запрещены.

Самсонова закрыла лицо руками. Несколько минут они сидели молча. Потом Ухов спросил:

– Вы когда-нибудь слышали фамилию Картуш? Владимир Вениаминович?

Марина в удивлении посмотрела на него и покачала головой:

– Никогда.

– Абсолютно уверены?

– Да.

– Может быть, видели? Лет пятьдесят пять, коренастый, рост где-то сто семьдесят, седина в каштановых волосах, ездит на девятьсот сороковом «Вольво»…

Марина расхохоталась.

– Ну откуда у меня могут быть знакомые на «Вольвах»? Подумайте сами, товарищ капитан. Оглянитесь вокруг себя. О чем вы говорите?

– Понятно, – медленно произнес Ухов. – Я хотел бы попросить вашу подругу ответить на несколько вопросов, – обратился он к женщине, потом посмотрел в ее заплаканные глаза и добавил: – Да не переживайте вы так. Как-нибудь все уладится. Может, ошибка какая-то произошла.

– Но тогда почему он молчит?!

Ухов пожал плечами.

– Боится. Только чего – непонятно.

Марина встала.

– Я сейчас позову Машу, – сказала она.

* * *

Корицкой было немного не по себе, когда она заходила в комнату для беседы с капитаном Уховым. Она не представляла, по каким делам Ухов общался с папой Вовой, знала только, что у Владимира Вениаминовича последнее время появились какие-то проблемы. То ли с бандитами, то ли еще с кем… Ухов очень некстати увидел ее в фирме Картуша. Теперь каким-то одним ему известным образом соединил появление там с ее появлением у Маринки. Может, в самом деле имеется какая-то связь между делами Владимира Вениаминовича и тем, что выкинул Славка? Навряд ли, конечно.

Маша впервые в жизни пожалела, что она такая приметная для мужского глаза особа. Никогда не думала, что подобное может быть недостатком. Но тут же, правда, решила, что надо применить свои чары и к Ухову – мужчина все-таки – и попытаться вытянуть из него хоть какую-то информацию. А самой по большей части держать губки на замке – за то, что разболтала лишнее, обычно по головке не гладят. Никто.

Ухов поднял голову, когда она робко вошла в комнату.

– Садитесь, – пригласил он, кивая на диван напротив себя.

«Холеная девица, – отметил про себя капитан. – Странно, что ходит в подругах у Самсоновой. Абсолютно разный уровень. И знакома с Картушем».

Маша оценивающе оглядела Ухова – как потенциального клиента. Что можно получить с мента? «Смотря какого, – ответила она сама себе. – Если уж связываться, так с гаишником». У них весьма неплохой доход. Неофициальный, конечно. А этот, насколько она поняла, следователь. Одет чистенько, но небогато. Все отглажено и подобрано в тон. Ни «Кензо», ни «Фаренгейтом», ни «Эгоистом» не благоухает. Маша вообще не смогла определить, каким одеколоном пользуется Ухов.

Видимо, у капитана есть женщина, которая за ним ухаживает. Но кольца на безымянном пальце нет. Так что не исключено, что живет с мамой. А маменькины сынки, тем более из милиции, Машу совсем не прельщали.

Девушка грациозно опустилась на диван – в противоположность тяжело плюхнувшейся Марине, положила ногу на ногу, пожалела, что она в джинсах, а не в мини-юбке, демонстрирующей все достоинства ее стройных ног – но кто же знал, черт побери, что сюда пожалует этот Ухов?

«Красивая девка, – подумал капитан. – И знает это. Только несколько вульгарна».

«Красивая девка» отметила про себя, что, объективно говоря, Ухов в общем-то внешне ничего. Мышца присутствует, живота не видно, как у всех ее последних клиентов. И не только последних, кстати. Корицкая в этот момент подумала о

том, что, пожалуй, у нее в жизни еще не было ни одного мужчины для души, все ради денег, ради каких-то благ. Она отдавала им свое тело, они ее содержали. Но она сама приняла такое решение после Влада в институте… Он, пожалуй, единственный из всех мужчин, кто был примерно одного с ней возраста, все остальные – «папики»…

Корицкая решила для себя, что если для пользы дела с Уховым придется переспать, то это окажется не так уж плохо – по крайней мере, она сама получит удовольствие. От молодого мускулистого мужского тела. Почему-то от последней мысли ей страшно захотелось расхохотаться. Уж кого-кого, а милиционера в списке ее клиентов пока не было. Все бизнесмены да бандиты. Надо попробовать и стража порядка для разнообразия. Интересно, а какой он в постели?

– О чем вы сейчас думаете? – внезапно спросил Ухов.

Маша не смогла сдержать смех.

Ухов в удивлении приподнял брови.

«Сказать или нет?» – ломала голову Корицкая, а потом решилась:

– Смотрела на вас как на мужика.

– А по вашему мнению, Мария Станиславовна, милиционеры – не мужики?

– Вот сейчас ломаю голову над этим вопросом, товарищ капитан. Или господин капитан? – кокетничала Маша, принявшая решение все-таки совратить Ухова – для личного удовольствия. – До знакомства с вами мне как-то не приходилось сталкиваться с представителями вашей профессии. С теми, которые меня берегут. Вернее, должны беречь бедную девочку.

Корицкая скромно потупила глазки и стала накручивать на палец золотой локон.

– Бедную девочку, насколько я понимаю, не дает в обиду весьма крупный коммерсант господин Картуш Владимир Вениаминович, не так ли? – решил проработать тему Картуша капитан Ухов.

– Мир не без добрых людей, – уклончиво ответила Маша.

– Вы давно знакомы с Картушем? – спросил Ухов.

– А он-то здесь при чем? – захлопала глазами Корицкая.

– Может, ни при чем. А может, и очень при чем. Но раз уж мы с вами имели честь познакомиться у него, то давайте поставим все точки над «i».

– Мы с вами не имели чести знакомиться у него. Нас с вами, насколько мне помнится, друг другу не представляли. Сюда вы пришли совсем по другому делу. А Картуш с Самсоновым даже разговаривать бы не стал. Птица другого полета. Так что давайте оставим Картуша и перейдем к Самсонову, если вообще есть зачем переходить.

– Тему разговора выбираю я, – заявил Ухов. – И место выберу совсем другое, если жилище вашей подруги располагает вас на пространные рассуждения и уход от ответа на задаваемые мною вопросы. Итак, вы давно знакомы с Картушем?

– Месяца четыре, – буркнула раздосадованная Маша.

– При каких обстоятельствах познакомились?

– На деловом ужине.

– Где-где? – усмехнулся Ухов, понимая, в каких «делах» обычно участвует сидящая напротив мадемуазель.

– На деловом ужине, – с мрачным видом повторила Корицкая. Ей внезапно страшно захотелось, чтобы побыстрее подъехала Марианна и взяла ситуацию под контроль. Маша почему-то не сомневалась, что Марианна быстро поставит на место этого капитана, если потребуется, разложит ему все по полочкам – если потребуется и убедит в невиновности тех, в невиновности которых потребуется его убеждать. Марианна, как считала Корицкая, не испугается и не стушуется. Она знает, как вести переговоры на любом уровне – и с западными бизнесменами, и с нашими бандитами. И с ментами, наверное, ей тоже приходилось общаться. А если еще не приходилось, то все равно сразу же

поймет, как следует разговаривать с капитаном Уховым, на что он имеет право, на что нет и что можно себе с ним позволить. Скорей бы приезжала только.

– Объясните поподробнее, – сказал капитан Ухов.

– Вы не знаете, что такое деловой ужин? – решила протянуть время Маша, меняя положение.

– Знаю. Только не исключено, что мы с вами вкладываем в это понятие разный смысл. Где состоялся ужин? Кто присутствовал, кроме вас двоих?

– В каком-то ресторане, – ответила Корицкая. Она в самом деле не помнила, в каком. Столько их развелось в Питере.

– В каком именно? – не отставал Ухов.

– Да не помню я, – взорвалась Маша. – Я же не записываю в ежедневник, когда, с кем и где у меня встреча.

– Бедная девочка даже не помнит название ресторана, куда ее водили. Наверное, слишком часто водят, раз названия путаются в очаровательной головке, не так ли, Мария Станиславовна? Когда вы последний раз виделись с Владимиром Вениаминовичем? Это-то хоть помните? Или тоже запамятовали?

– Вчера.

– Где?

– У меня дома.

– Кто вас познакомил с Картушем?

«Опять. Впутывать Марьянку или нет? – думала Корицкая. – Наверное, следует сказать, что она. Потому что папа Вова это, наверное, скрывать не будет».

Маша посмотрела прямо в глаза Ухову и заявила:

– Может, вы в курсе, товарищ или господин капитан, не знаю уж, как вам больше нравится, что на официальных ужинах и обедах должно присутствовать равное количество мужчин и женщин. Иногда мои хорошие знакомые приглашают меня заполнить вакантное место. Насколько вам известно, в бизнесе женщин мало, а жен на такие мероприятия обычно не водят. Проституток тоже не хотят вызывать. Мои друзья пригласили меня в ресторан, где также был и господин Картуш.

– Вы очень умело уходите от прямого ответа на вопрос, Мария Станиславовна. Кто же все-таки эти ваши друзья? Назовите их фамилии и фирмы, которые они представляют.

– «Эккотрейдинг», – выдавила из себя Корицкая.

– Адрес? Вид деятельности?

«Так, вроде бы про Марьянку ничего не знает. И название фирмы, похоже, первый раз слышит».

– А вот это точно к делу не относится, – ответила разозленная Маша.

Теперь ей почему-то хотелось как-то насолить капитану, может, даже позлить его. В этот момент она уже ничего не боялась. Та робость, что была вначале, прошла. Она не была замешана ни в каких махинациях. В дела Владимира Вениаминовича, Алькена и других своих спонсоров, а также Марьянкины она никогда не вникала, даже точно не знала, кто чем занимается, – ее это просто не интересовало. Теперь она решила, что мент, наверное, положил на нее глаз, поэтому и допрашивает. Переспать с ней захотел, а для этого решил застращать, чтобы она плюхнулась в его постель. Уж если этот капитан Ухов сведущ в делах мирских, то точно знает, для чего предназначаются девочки вроде Маши. Должен представлять, что таким, как она, о делах не рассказывают, сделки с ними не обсуждают, с ними отдыхают, а следовательно, знать она ничего о делах папы Вовы просто не может. И тем более Картуш не имеет никакого отношения к Славкиным похождениям… Если только…

Машу внезапно осенило. Если только Славка не пытался получить деньги именно у Владимира Вениаминовича… Но каким образом он на него вышел?

У Корицкой округлились глаза, рот раскрылся, но пока из него не вылетало никаких звуков.

Изменившееся выражение лица девушки сразу же заметил Ухов и поинтересовался:

– Какая-то мысль осенила, Мария Станиславовна?

– Славка что, у папы Вовы… – начала Корицкая и запнулась.

Выражение удивления на лице сидевшей напротив него мадемуазели было вполне искренним. По крайней мере, Ухов решил, что на этот раз перед ним не разыгрывается комедия. Он наблюдал за тем, как до нее, по-видимому, доходило, что произошло, вернее, могло произойти, и почему капитан Ухов сейчас разговаривает с ней и интересуется Картушем…

– Да, – кивнул Ухов, решив, что данная информация поможет ему вытянуть из девушки сведения, которые могут оказаться важными.

Корицкая никак не могла прийти в себя. В голове пролетали не связанные одна с другой мысли. Она думала то о папе Вове, то о Славке, то о Марине. Потом почему-то снова о Марьянке. Она-то почему не едет, черт побери?!

– Итак, Самсонов и Картуш знакомы? – спросил Ухов.

– Понятия не имею, – медленно произнесла Маша. – Всегда считала, что нет.

– Вы когда-нибудь появлялись в этом доме вместе с Картушем?

Корицкая покачала головой.

– Может, он встречал вас или…

– Нет. Зачем травить душу подруге? – горько усмехнулась она. – Маринка завистлива. А если бы увидела его машину, мобильник, ну и… все остальное… Сами понимаете. Нет, я сюда только одна приезжаю. И сами видите, в какой одежде.

Ухов улыбнулся.

– То есть вы считаете, что они не знакомы?

– Да.

– Откуда Самсонов мог узнать про Картуша? Вообще о его существовании?

Маша пожала плечами.

– Что вы меня-то об этом спрашиваете? Лучше у Картуша и поинтересуйтесь. Он мне о своих делах никогда не докладывает. Я, как вы, наверное, догадываетесь, у него не в деловых партнерах хожу, – Корицкая специально сделала ударение на слове «деловых».

– Да уж догадываюсь, – усмехнулся Ухов. – А Самсонов знал о том… какую жизнь вы ведете?

«Ишь ты, как выражения подбирает, – подумала Маша. – Вы еще не конченый человек, капитан».

– А какую жизнь я веду? – снова решила пококетничать Корицкая, поправляя золотистые локоны. – Скромная, бедная девочка, которой иногда немного помогают добрые люди.

– Маша, – обратился к ней Ухов, решив отбросить официальный тон и имена-отчества, – я ведь сюда не просто так пришел. Пойми, что совершено преступление. Я должен его раскрыть. Мне нужна твоя помощь. Пострадал твой… спонсор. Теперь предстоит страдать твоей подруге и ее детям, потому что Самсонов, скорее всего, отправится в места не столь отдаленные. Он молчит. Вообще ни слова не проронил. Может, он и не так уж замешан. Не исключено, что его кто-то использовал, как «шестерку», и он старается защитить тех, кто стоит за его спиной. Наверное, считает, что они его вытянут, если будет молчать. Не вытянут. Просто забудут о нем. Может, он боится называть фамилии, потому что думает, что в таком случае пострадает семья: в этом мире длинный язык не прощают. Ты можешь помочь и Владимиру Вениаминовичу, и Марине. Мы должны докопаться до тех, кто все это организовал.

– То есть вы считаете, что это не Славка? – обалдело спросила Корицкая.

– Ты его давно знаешь?

– В одном классе учились. Десять лет женат на моей подруге.

– Он мог пойти на вымогательство, причем очень крупной суммы денег?

Маша задумалась. Она считала, что Славка не мог быть знаком с Картушем, тем более знать о его делах в такой мере, чтобы что-то вымогать. Чтобы требовать отступных, нужно, по крайней мере, иметь веский компромат, а откуда у Славки компромат на Владимира Вениаминовича, причем такой, чтобы папа Вова был готов отдать деньги, с которыми он всегда расстается с таким трудом?

– Я считаю, что нет, – подняла она глаза на капитана Ухова. – Славка не тот человек. Наверное, даже украсть бы ничего не смог. Скорее всего, его просто кто-то использовал. А он даже не знает всех деталей.

– Кто мог его использовать? – спросил Ухов.

– Что вы меня-то об этом спрашиваете? Об этом с Мариной надо говорить. Она, по крайней мере, хоть кого-то из его приятелей должна знать.

– А сами вы когда в последний раз виделись с Самсоновым?

Корицкая начала упорно вспоминать. Вздохнула. Посмотрела на капитана Ухова и ответила:

– Наверное, перед Новым годом. Когда я их всех приезжала поздравлять. Или на Рождество. В общем, то ли в конце декабря, то ли в начале января. Точно не помню. Честно, не помню. Когда я здесь появляюсь, его обычно нет. Не знаю, по каким причинам. Раньше Маринка специально старалась нас приглашать, когда он отсутствует, – все думала, что уведем сокровище, теперь… Наверное, просто так получалось. Давно не видела. Давно.

Ухов ей поверил.

– То есть вы абсолютно уверены, что не знаете никого из его знакомых? – еще раз решил уточнить он.

– Уверена. Ну, наших общих одноклассников, конечно, знаю, если он еще с ними общается. И все. Спросите лучше Маринку.

Ухов задумался. Корицкую он тоже сбросил со счета: слишком искренним было ее удивление, да и зачем ей участвовать в шантаже своего «папика», если на «бедную девочку» и так, по-видимому, очень неплохо капает из его кошелька. Тем более на пару с Самсоновым, которого она, пожалуй, и за мужика-то не считает. Эта скорее всего будет ныть и выпрашивать прямо у спонсора, что ей там в очередной раз захотелось. Не у одного, так у другого.

– Я не записал ваш домашний адрес и телефон, – Ухов вопросительно посмотрел на Машу.

– А это еще зачем? – непроизвольно вырвалось у Корицкой.

– Чтобы зря не тратить время на ваши поиски, – спокойно ответил Ухов. – Мы в состоянии узнать и то, и другое по имени и фамилии, но зачем проводить лишнюю работу?

«Может, клюнул на меня? – пронеслось у Корицкой. – Хоть и мент, но все равно мужик».

– Записывайте, – сказала она.

– Год и место рождения?

– Пятнадцатого февраля тысяча девятьсот семьдесят четвертого.

– Место работы?

– Безработная, – улыбнулась Маша.

Ухов занес все в блокнот и решил наудачу задать последний вопрос:

– А со Степановым Андреем Валерьевичем вы знакомы?

– Он сегодня должен сюда приехать, – сразу же ответала Корицкая.

– Это Марина Петровна мне уже сообщила. Но вы лично с ним знакомы?

– Приходилось видеть несколько раз. Узнаю, если встречу. Но в общем и целом…

– Его род деятельности знаете?

– Бизнесмен какой-то. Не особо крупных масштабов. Опять же лучше спросите у Маринки.

– А в каких они отношениях с Самсоновым?

– Понятия не имею. Вроде бы он Славке какие-то халтурки подкидывал. Но в деталях… Извините, я как-то…

– Ясно, – сказал Ухов. – Будем ждать появления самого господина Степанова.

Маша задумалась. Внезапно ей пришло в голову, что это Андрей мог использовать Славку… И теперь Самсонов молчит, считая, что родственник его каким-то образом вытащит. Или, по крайней мере, поможет семье. Корицкая бросила беглый взгляд на Ухова и снова опустила глаза. Она решила не говорить капитану, какая мысль только что промелькнула у нее в голове. Незачем. Вначале надо посоветоваться с Владимиром Вениаминовичем, с Марианной. Вдруг Степанов ни при чем, а она бросит тень подозрения на невиновного человека. Пусть они сами между собой разбираются.

Ухов внимательно наблюдал за Машей и словно читал ее мысли. Ему самому пришло в голову, что именно этот бизнесмен Степанов и послал Самсонова за деньгами к Картушу, не предупредив о содержимом упаковки для дискет. А тот, естественно, даже не поинтересовался, что получает.

Ухов уже разговаривал с Самсоновым, вернее пытался, потому что тот упорно молчал. Теперь, после беглого знакомства с семьей, у капитана сложилось весьма определенное мнение о подозреваемом. Забитый парень, с

несложившейся жизнью. Ни работы толком, ни семьи. Его нигде не ждут. Практически ничего не умеет делать. Влип скорее всего по-глупому и даже толком не понимает, за что. Молчит, надеясь на богатого родственника. Вот с ним-то и следует побеседовать по душам. Выяснить все связи. Но вначале надо на него посмотреть.

– Вы со мной закончили? – спросила Корицкая.

– Да.

– Еще кого-нибудь пригласить?

– Я считаю, что бессмысленно разговаривать с тещей и тестем. С женой мы уже поговорили. Будем ждать приезда господина Степанова.

– Сейчас я Марину позову. Наверное, все пройдем на кухню, – сказала Корицкая и встала.

В этот момент раздался звонок в дверь.

Маша вылетела в коридор. Ухов встал с кресла и проследовал за ней. Марина уже открывала. Приехал Андрей Степанов. Марианны все не было.

Глава 5

Четверг, 23 марта

Андрей обвел взглядом встречавшую его компанию. Отметил про себя, что у Серафимы Поликарповны, тещи Самсонова, как обычно, недовольное выражение лица. Ее муж, Петр Николаевич, опять же, как обычно, пьян. И Маринка, и подруга ее тоже, видимо, приняли, и немало. Племянники смотрели на дядю в ожидании чего-то вкусненького: он всегда что-то для них прихватывал.

Степанов примчался прямо от своего приятеля Валерия Зерковского, передавшего дискету этому идиоту Самсонову. Они только что обсудили ситуацию и пришли к выводу, что для начала нужно вытянуть из Маринки все, что только удастся, а потом уже что-то решать. Первоначальный план действий у них был, но и Зерковский, и Степанов понимали, что к вечеру он может здорово измениться – в зависимости от поступающей информации.

Волосы Андрея были растрепаны, куртка расстегнута, галстук сбился в сторону. Здорово он вчера и сегодня нанервничался.

На судьбу двоюродного братца ему, в общем-то, было наплевать. Неудачник, руки из задницы растут, делать ничего так и не научился и, главное, не хочет. Сейчас есть столько способов зарабатывания денег, а этот неумеха… Женился в семнадцать на бабе-дуре, детей наплодил, а теперь не только их, но и себя толком прокормить не в состоянии.

Степанов не испытывал к братцу никаких теплых чувств, подкидывал работу только потому, что иногда его собственная мать, родная сестра матери Самсонова, давила на Андрея, убеждая его в том, что бедным родственникам следует помогать. «И на хрен они нужны, такие родственники?» – думал в таких случаях Степанов. Мать он лишний раз расстраивать не хотел: у нее было больное сердце, так что, когда требовался какой-то мальчик на побегушках, приглашал Самсонова. Андрею было, в общем-то, все равно кого нанимать, а здесь он убивал двух зайцев: и мать порадуется, и данное им поручение кто-то выполнит.

К тому же Самсонову, как правило, не нужно было платить, в смысле деньгами. Родственник предпочитал трудиться за бутылку дешевого вермута, который Степанов гнал из Польши. Пузырек – родственнику, по пакетику жвачки его деткам – и все довольны.

Степанов поставлял красный и белый вермут из Польши цистернами. Бутылки шли из Германии, этикетки печатались прямо в Питере. Андрей арендовал цех, где все это разливалось. Давал взятки кому требовалось – и бизнес процветал. Цистерны шли через Финляндию, и Степанов часто ездил в Выборг встречать товар, отправляемый его польским компаньоном.

Проход цистерны через границу далеко не всегда оформлялся официально: зачем платить лишние деньги государству, если их можно сэкономить. Но необходимо знать, кому и сколько дать. Степанов знал таксы всех сборщиков дани, начиная с самого первого пограничника, ну и так далее – каждого мздоимца, мимо которого проезжала цистерна. Если товара было на семь тысяч баксов, то и взяток приходилось дать примерно на такую же сумму – но все равно получалось меньше, чем официально платить государству.

Почему у нас такие идиоты-законодатели? Бизнесмен Степанов часто задумывался над этим вопросом. Потом обычно задавался следующим: если бы налоги были не настолько завышены, платил бы он их? Обычно Андрей отвечал сам себе, что если бы они были невелики и он точно знал, куда идут его деньги – на благоустройство города, дорог, куда-то на благотворительные цели, – то да, наверное, платил бы и не старался укрывать. Но при нынешних непомерных ставках, когда даже отдаленно не представляешь, на что эти деньги используются, по полной программе не платит никто – зачем?

Все знают лазейки, которые необходимы для осуществления бизнеса. Да и налоговые инспектора часто закрывают глаза. Они тоже люди, и если неглупые, то понимают, что никто не станет заниматься бизнесом, если практически всю твою прибыль государство хочет забрать в свой бездонный карман. Поэтому Степанов давал взятки. Заплатил – и никто не заметил, как цистерна с вермутом оказалась в Питере. Взяла и проехала через границу, а у всех, мимо кого она проезжала, словно глаза в этот момент пеленой застилало: наверное, потусторонние силы вмешались?

Вначале Степанов хотел заниматься и разливом водки. Наши пьют ее в огромном количестве, спрос на нее самый большой. Потом решил ограничиться вермутом: проблем меньше. Цех у него был не подпольный, а вполне официальный.

Деятельность по спаиванию населения приносила неплохой доход, но эта сфера не была единственной, с которой Андрей Валерьевич снимал сливки. Была еще одна, тайная, где они работали на пару с другом детства и бывшим соседом по коммуналке, а ныне компьютерным гением Валерием Зерковским.

В детстве, когда они гоняли во дворе в футбол или резались в шахматы в огромной коммуналке на 7-й Советской, в доме номер пятнадцать, Валерка ничем не выделялся из общей массы. Был таким, как все. Одним из многих. Как, впрочем, и сам Андрей.

На какое-то время после того, как Зерковские и Степановы получили квартиры в новых домах – их старый пошел на капремонт, – Андрей с Валерием потеряли друг друга из виду, потом случайно встретились в баре, и дружба возобновилась, причем теперь это была не только дружба, но и деловое партнерство. Они вместе делали деньги, продавая информацию.

Последний этаж старого дома, где с крыши постоянно текло, они вспоминали, как кошмарный сон. Валерий, не желавший привлекать к себе внимания, жил теперь в двухкомнатной у «Техноложки» вместе с матерью, женой и пятилетним сыном, хотя мог позволить себе и гораздо большую квартиру. Степанов жил один в трехкомнатной на Пулковском шоссе. Их доходы тихо переправлялись на зарубежные счета.

Информацию добывал Зерковский, забиравшийся в компьютеры разных фирм и компаний. Потом Степанов предлагал интересующие их сведения конкурентам этих фирм и советовал покупателям на будущее защитить свои компьютеры от взлома. Естественно, рекомендовал обратиться к Зерковскому – опытному программисту, который разработает для них систему защиты. Зерковский разрабатывал, потом сам же снова «вламывался» к новым клиентам, Степанов направлялся к представителям еще каких-то фирм, предлагал им информацию, установку защиты, своего специалиста, который потом добывал сведения, минуя установленные им же самим барьеры, Степанов обращался к сотрудникам первых фирм… Все шло по кругу. Система работала прекрасно.

Зерковский неплохо владел английским, имел дальних родственников в США, его родной отец жил в Израиле со второй женой. Информацию о том, как взламывать компьютерные сети, Зерковский купил в самом конце 1993 года у профессионального взломщика – хакера всего за двести долларов. Сделал себе подарок к Новому году. Тогда Валерий гостил в США.

Хакерство приносило весьма солидный доход. Единственное, чего Валерий боялся, так это напрямую общаться с потенциальными покупателями. За него это делал бывший сосед по коммуналке Андрей Степанов. Организовали, так сказать, совместное предприятие.

Зерковский работал дома, периодически выезжая в разные фирмы и к частным лицам, выполняя конкретные заказы. Обычно Степанов сам заглядывал к нему после работы. Но несколько раз Зерковский все-таки побывал в офисе

компаньона «Поларус». И однажды здорово не поладил с охранниками, стоявшими внизу…

* * *

Они договорились с Андреем, что Валерий сам привезет дискету. Хотели обсудить новый совместный проект с глазу на глаз. Андрей предупредил, что может немного задержаться: поедет с завода, куда пришла очередная цистерна.

Зерковский припарковал машину во дворе трехэтажного дома, в котором среди прочих располагалась компания «Поларус». В здании, насколько было известно Валерию, базировалось множество небольших фирмочек, не гнавшихся за престижем и не стремившихся обязательно заиметь офисы в центре города, где за каждый метр площади надо было бы платить значительно больше, чем за неказистую конторку в непрестижном районе, куда и транспорт-то толком не ходит.

Внизу обычно дежурили двое или трое здоровенных бугаев. Ребята свое дело знали и просто так никого не пускали.

Как назло, Зерковский в тот день забыл паспорт, а парни, которым щуплый молодой человек доставал только до плеча, встали в позу, заявив, что водительские права их не устраивают. Мы, мол, не в Америке живем и не в Европе. Они явно искали случая поиздеваться над кем-то. Может, настроение было плохое. Может, просто хотели утереть нос слабому. К тому же определенно приняли горячительного, причем немало: от них попахивало.

– К кому? – спросил первый верзила.

– В «Поларус» к Степанову.

– Его нет.

– Пожалуйста, позвоните его секретарю. Она выйдет меня встретить.

– Фамилия?

– Зерковский. Валерий Ильич.

Сидевший у телефона парень нажал на нужные кнопки телефона и заговорил в трубку:

– Ритка, это Олег. Некоего Зерковского Валерия Ильича ждете?

Видимо, последовал отрицательный ответ. Валерий подумал, что Андрей не предупредил секретаршу, предполагая вернуться к назначенной встрече, и, конечно, не ожидал, что другу на вахте устроят такой прием. Секретарша видела его несколько раз, но ей не называли ни его имени, ни фамилии: Степанов считал, что чем меньше людей знают об их «совместном предприятии», тем лучше. Зерковский с ним соглашался. В тот день он впервые пожалел, что в фирме Андрюхи никто не имеет представления о том, как его зовут.

– Ритка сказала, что она о таком вообще никогда не слышала, – сообщил звонивший охранник, повесив трубку.

– Вали отсюда, парень, – заявил самый крупный детина.

– У меня договоренность со Степановым… – попытался возразить Зерковский.

– Ничего не знаем. Нам платят деньги за то, чтобы мы неизвестных лиц в здание не пускали. Нас никто не предупреждал о твоем появлении. Так что катись по-хорошему, малыш.

«Малыш» попытался что-то снова возразить о договоренности с президентом «Поларуса». Вперед вышел самый невысокий из охраны и на этот раз наименее трезвый и процедил сквозь зубы:

– Катись отсюда!

Валерий наконец понял, почему молодцы испытывают к нему такую неприязнь…

– Мужики, надо проверить, что он там в «дипломате» притащил, не бомбу ли? Может, взорвать нас хотел? А если нас не удалось, то других хороших людей

сейчас пойдет отправлять на тот свет, – заметил звонивший в фирму Андрея.

Невысокий охранник, стоявший ближе всего к Валерию, дернул на себя «дипломат». Он раскрылся, и содержимое вывалилось наружу. Самой ценной для Валерия (и для Степанова, естественно) была дискета, ради передачи которой Валерий и приехал на набережную Пряжки. Внутри также оказалась пачка любимого печенья сына с шоколадной начинкой, которую Валерий купил по пути, и две бутылочки корвалола, заказанные мамой.

Охранники внимательно рассмотрели содержимое «дипломата».

– Олег, Юрка, вы только взгляните, что этот тип носит в таком огромном портфеле, – издевался коренастый. – Деловые люди используют их для того, чтобы носить деловые бумаги на деловые встречи. А тут? Печеньице, чтобы подсластить горькую жизнь бедного еврея, и корвалольчик на случай расстройства, если все-таки не удалось обмануть доверчивых русских ребят.

– Леха, я считаю, нельзя допускать, чтобы лекарство пропадало, – заявил Олег. – Тем более, наш гость специально взял его с собой…

– Отдайте мои вещи! – закричал Зерковский, которого больше всего волновала дискета.

– Тихо, не вопи, – сказали ему и оттолкнули в сторону.

Легкий, по мнению Лехи, удар откинул щуплого Валерия далеко в сторону. Олег нагнулся и поднял дискету. Печенье и бутылочки корвалола остались валяться на полу.

– Отдайте дискету! – снова закричал Валерий, прекрасно понимавший, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы кто-то прочитал содержавшуюся на ней информацию. Она, конечно, на всякий случай была защищена, но, имея программу по взлому паролей…

Валерий больше всего боялся, что информация попадет к человеку, который поймет, что за документы записаны на этой дискете. Возникнет вопрос, откуда эти документы оказались у Зерковского, который вроде бы не должен ничего

знать ни о каких договорах по экспорту леса в Финляндию. Над этими верзилами, конечно, кто-то стоит, тот, у кого есть голова на плечах, причем между нею и плечами имеется нормальная человеческая шея. Над Валерием издевались три горы мышц без шей, но зато с пуленепробиваемыми лбами.

Зерковский боялся за свою семью, за себя, если им вдруг заинтересуются неофициальные структуры, как его другом Борисом полгода назад, когда Борису пришлось бросить все и бежать в Израиль, чтобы спасти свою жизнь.

Валерию хотелось спокойной жизни, поэтому он прилагал массу усилий, чтобы не выделяться из общей массы, ездил на обычной «шестерке», хотя давно мог позволить себе престижный «Мерседес», жил с семьей в двухкомнатной квартире недалеко от Троицкого собора в грязном страшном дворе, хотя мог бы перебраться и в четырехкомнатную после евроремонта, одевался неброско, жена работала в обычном НИИ, хотя могла бы сидеть дома, не отоваривался в супермаркетах, как Степанов.

Охранник по имени Олег вертел дискету в своих огромных лапищах, которые было трудно назвать руками. Или лапа, или лопата, или… но только не ладонь.

– Чего здесь? – спросил Леха, глядя суровым взглядом на жертву.

Валерий молчал, не зная, что ответить.

– Тебе вопрос задали, сосунок, – подал голос другой охранник. – Отвечай.

Валерий продолжал молчать, напряженно размышляя, что же сказать этим верзилам, чтобы отдали дискету. «Ну где же Андрюха, черт побери? – думал он. – Наверное, надо каким-то образом протянуть время».

Самый высокий из троицы, Юра, подошел к Зерковскому и поднял его за шиворот, как котенка. Валерий начал болтать ногами в воздухе.

– Ну? – спросили его.

Толстые пальцы свободной руки Юры начали сжиматься в кулак. Валерий наблюдал за происходящим, как в замедленной съемке. Кулак все приближался

к нему, приближался… Из глаз посыпались искры, Зерковский почувствовал во рту вкус крови.

Юра попал ему в глаз и скулу, несколько зубов на верхней левой челюсти тут же зашатались в своих лунках. «Господи, сколько сейчас стоит новая челюсть?» – почему-то пронеслось в голове у Валерия.

– Брось гаденыша, – услышал Валерий откуда-то издалека голос Лехи. – Сами почитаем. Наверное, что-то интересное, если молчит, как партизан.

Зерковский оказался в свободном полете. Юра открыл дверь и выкинул его в направлении «шестерки». С трудом поднимаясь на ноги, Валерий увидел, как Леха записывает номер его машины…

Валерий знал, что здорово влип. Он сел в «Жигули» и выехал за ворота, решив подождать возвращения Степанова в некоторой удаленности от места расположения фирмы. Зерковский понимал, что Андрюху как можно скорее следует предупредить о случившемся.

Садясь в машину, Валерий услышал, как наименее рослый из всех Леха говорит приятелям:

– Где-то я раньше видел этого гада.

– Наверное, он не в первый раз сюда наведывается, – пожал плечами Юра и закрыл дверь.

* * *

Зерковский припарковал машину рядом с небольшим мостиком через Пряжку и стал ждать возвращения Степанова. Тот почему-то задерживался. Челюсть здорово ныла. Валерий посмотрел на себя в зеркало заднего обзора. Левая часть лица уже начала опухать, глаз оплыл. «Мама и Аня придут в ужас, – подумал он. – Что я им скажу?!»

Валерий посмотрел на часы. Половина шестого. Где Степанов? Что случилось?

«Мазда» Андрея показалась в десять минут седьмого. Валерий вышел из своей «шестерки» и жестом попросил остановиться.

– Кто это тебя так? – ужаснулся Андрюха, увидев оплывший глаз Зерковского.

– Твои охраннички.

– Эти мордовороты внизу? Что случилось?

– Дискета у них.

– Что?!

– Давай сядем. Я тебе все расскажу подробно, – предложил Валерий. – Нечего стоять посреди улицы. Я специально жду тебя здесь.

Андрей поставил «Мазду» на сигнализацию и опустился на место пассажира в «шестерке». Валерий подробно описал все, что случилось у вахты.

– Черт побери, – выругался Андрей. – Нажрались, сволочи, надо было над кем-то поиздеваться. Ты им просто под руку попался.

– Они вернут ее тебе?

Андрей задумался.

Валерий был весь на взводе и не мог долго выносить молчание приятеля.

– Ты же им деньги за охрану платишь, черт побери! – взорвался он. – Они обязаны…

– Я плачу не только им, – вздохнул Степанов. – Вернее, напрямую этим я не плачу. То есть им я вообще не плачу. Я арендую площадь в здании. Хозяин обеспечивает охрану. Это его люди.

– Я тебя чего-то не понимаю, Андрей, – признался Валерий. – Это не твои бандиты?

– Валерка, не забивай себе голову. Меньше знаешь – спокойней спишь. Я сейчас думаю, стоит ли вообще признаваться, что я ждал от тебя дискету.

– То есть? – опять ничего не понял Зерковский. – Ведь на ней же…

– Чтобы прочитать то, что на ней записано, нужно знать пароль, не так ли?

– Так, но…

– Если я правильно помню все, что ты мне так долго объяснял, когда мы только начинали заниматься этим делом, то ты установил достаточную защиту от непрофессионалов – на всякий случай. Ты же вообще перестраховщик. Я тогда еще спорил, говоря, зачем нам с тобой защита? Ты настоял, убедил меня, что она нужна. И пароль мы долго придумывали. Остановились на нашем старом общем адресе – «7Sovet15» – Седьмая Советская, дом пятнадцать. Так эта дискета была защищена или нет?

– Да, – кивнул Зерковский. – Как обычно. Эти мордовороты все сотрут, если сами введут ее в компьютер, но если передадут ее…

– Валерка, – перебил Степанов, – я практически не сомневаюсь, что они вначале сами решат посмотреть, что на ней. Ну неужели понесутся к шефу и сообщат, что отобрали у кого-то дискету, пусть шеф посмотрит. Идиотизм ведь. Реакция шефа непредсказуема. Может втык дать, может сам воспользоваться и не поделиться, если на ней что-то интересненькое… Эта троица обязательно должна выяснить, не сможет ли как-то срубить денежку для себя лично. И только после этого, если не добьются никаких результатов, обратятся к шефу или кому-то там еще.

– Тогда я спокоен, – сказал Зерковский. – Они все сотрут.

– То есть? – не понял Степанов.

– Забыл, что ли? За шестьдесят секунд надо ввести пароль – или запись стирается.

Степанов секунду молчал, потом расхохотался и хлопнул Зерковского по плечу.

– Ты молодец, Валерка. Больше не беспокойся о дискете. Эти три горы мышц без единой извилины в голове ни до чего не докопаются.

– Но если… – никак не мог успокоиться Зерковский.

– Кто в состоянии взломать пароль? Я, например, не представляю, как это делается.

– Любой программист. Опытный пользователь. Но в нашем случае надо сразу же переписать все на винчестер, запустить программу по взлому паролей, потом снова ввести дискету, потому что запускать можно только с дисковода «А»…

Степанов махнул рукой и широко улыбнулся.

– Не беспокойся, Валерка. Эти все сотрут. Кстати, эта информация у тебя ведь не в единственном экземпляре?

– Нет, конечно. Есть у меня в компьютере.

– Наверное, мы не будем ею пользоваться. Придется упустить клиента. Списать на убытки производства.

Валерий смотрел на приятеля одним округлившимся от удивления и одним оплывшим глазом. Он ничего не понимал. Степанов был не тем человеком, который готов отказаться от прибыли.

Андрей в этот момент продумывал дальнейшую тактику – что делать с ребятами внизу. В конце концов он решил, что прикинется дурачком: если возникнут какие-то вопросы, скажет, что да, ждал программиста, он его иногда приглашает, если что-то случается с техникой. Вчера вечером он случайно стер важную информацию со своей персоналки. Опытный программист может ее спасти. Ну, например, «баковский» файл вытащить или как еще там. Пригласил

Зерковского. Откуда ему знать, что за дискету тот прихватил с собой. Может, он еще к кому-то собирался после посещения фирмы Андрея, может, от кого-то возвращался. Ни о каких пиломатериалах (даже если все-таки доберутся до содержания, хотя, как теперь понимал Андрей, это один шанс из ста) Степанов и слыхом не слыхивал. Он вермут разливает. Вермут из Польши, а с Финляндией у него никаких дел. Тем более по лесу. Что вы, ребята?

Возможно, ребята сразу же сами предложат вернуть дискету. Тогда он ее возьмет и ни слова не говоря поднимется к себе. Правда, надежды на то, что просто так вернут, было очень мало. Они заподозрили, что на ней что-то важное. Наверное, Валерке не следовало так за нее хвататься. Но его тоже винить нельзя: в Юрочкиных лапищах, после встречи с его кулаком… И врагу не пожелаешь такого.

Степанов, конечно, хотел в первую очередь выгородить себя. Если он отбрешется, что о дискете ничего не знает, его оставят в покое. Подобной версии вполне могут поверить. Но за Зерковского возьмутся. Тот не йог: горячий утюг на животе долго не выдержит. Тогда и самого Андрея могут «прогладить». Этого нельзя допустить. Наверное, Валерке лучше на время смотаться куда-то к родственникам.

Конечно, те, кто будет считывать информацию с дискеты (если это им удастся), могут не все понять. Свяжутся с «Беттой», с финнами… Правда, с другой стороны, благотворительной деятельностью у нас никто не занимается. Какой идиот станет звонить в ту же «Бетту» и говорить:

– Ребята, у вас утечка информации. Будьте осторожнее. Ваш доброжелатель.

Смешно. Так никто не делает. Просто с «Бетты» кто-то другой, а не Степанов с Зерковским, снимет энную сумму или воспользуется ее контактами. Скорее всего Зерковского упоминать не будут. Они же вообще не знают, на кого работает Зерковский. Может, он – один из сотрудников «Бетты». Неаккуратный сотрудник.

Юра, Леша и Олег особым интеллектом не отличаются. Скорее всего сразу же все сотрут и выбросят дискету в мусорное ведро. Но могут и отдать начальству… Вопрос в том, отдадут ли… Станет ли их начальство разбираться с Валеркой? Наверное, нет. Но его самого могут потрясти. Тем более парни записали номер

машины…

Андрей решил, что следует ждать развития событий. Во-первых, посмотреть, как поведут себя охранники, когда он появится в офисе. Во-вторых, придется звонить Левашову и говорить, что предложение отменяется. Кстати, это нужно сделать немедленно, пока тот не собрался за дискетой.

– Мне необходимо сделать один звонок, – обратился Андрей к Валерию. – Пересядем в мою машину.

Они перебрались в «Мазду», Степанов набрал нужный номер и сказал Левашову, что ситуация несколько изменилась, он просит не приезжать к нему и временно снимает предложение.

Андрей не знал, что подумал Левашов, Левашов в этот момент беспокоил его меньше всего.

Степанов видел, что Зерковский весь на взводе. «Да, досталось ему. Глаза-то вообще уже почти не видно».

– Валерка, – вздохнул Андрей, – тебе, наверное, лучше в самое ближайшее время съездить в гости к отцу. Вместе с семьей.

Валерий попытался что-то возразить, но Андрей остановил его жестом.

– Выслушай меня до конца. Я знаю, что говорю. Если у них вообще возникнут вопросы – а они могут просто не проронить ни слова, как будто ты и не появлялся, – я заявлю, что приглашал тебя посмотреть мой компьютер. Завтра пожурю, что так нехорошо обошлись с программистом, и замну это дело.

– Ах ты, гад, все на меня свалить хочешь?! – зашипел Валерий.

– Не кипятись. Во-первых, лучше не придавать этой дискете еще большее значение. Тогда точно заинтересуются, а так – сотрут, плюнут и выбросят. Если сразу не передадут ее в свои вышестоящие инстанции, что они могут сделать сами? А их шеф, даже если прочитает имеющуюся на ней информацию? Ну, контракт там. Ну, еще один. И что из этого? Эти три олуха понимают механизм

перевода денег? Компьютерные сети для них пустой звук. Придут в «Бетту», пусть даже по заданию своего шефа, их там пошлют подальше, там своя «крыша» мощная есть. Мы-то напрямую никогда не действуем. Мы продаем информацию конкурентам, иногда денежки на свои счета перекидываем. А эти балбесы могут нагрянуть в офис «Бетты». Им там устроят достойную встречу.

– А если они придут ко мне домой? Ты же сам говоришь, что мне надо податься к родственникам. Значит, не исключаешь возможности появления у меня этой компании.

Степанов вздохнул.

– Могут и не прийти. Но на всякий случай на некоторое время следует затихариться. Больше сюда приезжать не будешь. Нечего светиться. И пора разбежаться, чтобы, не дай бог, эта троица не увидела нас вместе. Я позвоню тебе сегодня вечером. Сообщу обстановку.

Мужчины пожали друг другу руки. Андрей грустно помахал на прощание Валерию. Степанов нажал на газ и, молясь Всевышнему, поехал к зданию своей фирмы. Мало ему проблем…

* * *

Андрей весело поздоровался с охранниками, словно был не в курсе событий, разыгравшихся здесь незадолго до его появления. Леха, Юра и Олег тоже как ни в чем не бывало ответили на приветствие. Андрей поднялся в фирму. Секретарша Рита уже забыла про деловой звонок с вахты Олега и рисовала в мыслях предстоящую совсем не деловую встречу с ним.

Утром на следующий день Андрей остановился перед дежурившими внизу парнями. Охрана периодически менялась: Андрей не мог разобраться в системе их смен. Из вчерашних был только Юра.

– Ребята, – сказал Степанов, – что же вы так вчера потрепали моего программиста? Я пригласил человека посмотреть мой компьютер, а вы… Он же теперь сюда ни за что не согласится прийти.

Юра пожал своими огромными плечами.

– Неуважительно с нами разговаривал, – заявил он.

Охранник помолчал немного, а потом вспомнил:

– Вон там у стенки его «дипломат» стоит с корвалолом. Забери. Можешь передать. Печенье мы съели.

Про дискету Юра не обмолвился ни словом.

Подходя к «дипломату», Андрей не надеялся, что она окажется внутри, и был прав. В нем лежали только две бутылочки корвалола. Степанов быстро оглядел комнату охраны: дискеты нигде не было видно.

«Черт побери, – подумал он. – Где ее теперь искать? И ведь прямо сейчас кто-то может считывать с нее информацию. Хотя скорее всего, ее уже выбросили».

Поднявшись к себе в кабинет, Андрей позвонил Валерию, сообщил обстановку и снова настоятельно рекомендовал отправляться к родственникам.

Зерковский решил временно переехать к теще. Он не стал объяснять причину сходящим с ума от беспокойства матери и жене, которые и так хватались за сердце, увидев его с оплывшим глазом. Он сказал, что на него просто напали хулиганы и отобрали «дипломат». В котором, к счастью, ничего не было. Только корвалол и печенье. Все деньги остались при нем.

Столкновение с Юрой, Лехой и Олегом произошло в самом конце ноября 1994 года. В начале декабря в квартиру Зерковских вломились. Валерий в очередной раз похвалил себя за то, что всегда старался не выделяться: брать особо было нечего, потому что деньги хранились в другом месте, ни жена, ни мать не носили ни роскошных шуб, ни каких-то немыслимых вечерних туалетов. За последний год значительно увеличились суммы на личных счетах Зерковского в США, Израиле и Австрии, но в России все оставалось скромно и бедно…

Воры, наверное, здорово разозлились, потому что поживиться в общем-то было нечем, поэтому в ярости разгромили все, что попалось им под руку. Милиция,

конечно, обещала искать злодеев, но Валерий и не надеялся на то, что поиски дадут хоть какой-то результат. Он не знал, кто это был: верзилы из охраны на Пряжке или просто домушники, выбравшие его квартиру после того, как в ней десять дней не зажигали свет. Вообще-то в случайные совпадения Зерковский не верил.

После того как мать и жена с трудом привели квартиру в божеский вид, они снова всей семьей перебрались туда. Посоветовавшись с Андреем, Валерий пришел к выводу, что буря улеглась. В середине января Зерковский опять жил в своей двухкомнатной и продолжал совместный бизнес с Андреем Степановым.

* * *

В начале марта они в очередной раз разработали грандиозный план. Думали неплохо подзаработать. Наученный горьким опытом Валерий больше не ездил на набережную Пряжки. Андрей вообще собирался перебазировать офис на завод, где происходил разлив продукции. Юра, Леха и Олег продолжали работать в охране, но об инциденте Андрею ни разу не напомнили. Степанов и Зерковский решили, что за пуленепробиваемыми лбами мозги отсутствуют и дискета была выброшена в мусорное ведро – после того, как с нее стерли информацию, или на нее просто записали какую-нибудь чушь.

У Зерковского снова возникла необходимость быстро передать дискету Степанову. Андрей сказал, что пришлет за ней двоюродного брата. Дискета требовалась срочно. К тому же у сына Зерковского была ветрянка, а поскольку Степанов не переболел ею в детстве, ехать домой к Зерковскому опасался: у взрослых эта детская болезнь протекает в тяжелой форме. Валерий сам предложил подождать родственника Андрея у метро. Договорились о встрече у книжного развала на выходе из «Техноложки».

Валерий сказал, что придет в своей обычной синей куртке, в руках будет держать упаковку для дискет. Андрей описал своего родственника: рост где-то 177–178, довольно плотный, синяя куртка. Вячеслав Самсонов. Андрею почему-то казалось, что он уже посылал когда-то Славку с каким-то поручением к Зерковскому, правда, Валерий почему-то об этом не помнил.

Зерковский, не торопясь, направлялся к «Техноложке». Он вышел с запасом. Перед Военмехом его остановил неплохо накачанный парень в синей куртке с

поднятым воротником и надвинутом на глаза «петушке». Его лицо показалось Валерию знакомым…

– Вы – Валерий Зерковский? – спросил парень.

– Да, – кивнул программист.

– Я – брат Андрея. Я приехал раньше и решил пойти вам навстречу. Я сразу же понял, что это вы: у нас ведь люди обычно с упаковками для дискет в руках по улицам не прогуливаются.

Почему-то Зерковскому было немного не по себе. Интуиция тихо-тихо подсказывала что-то непонятное…

«Идиот, – сказал Валерий сам себе. – После того случая ты всего боишься. Этот Слава – мальчик на побегушках у Андрюхи. Описание подходит. И лицо кажется знакомым. Я его точно когда-то видел».

– А вы мне что-нибудь уже передавали? – спросил Зерковский, чтобы прогнать прочь всякие сомнения.

– Нет, но мы встречались в офисе у Андрея. Летом. Вы меня, наверное, не помните. Я тоже не сразу вас узнал в куртке и шапке.

«Не помню, – подумал Зерковский. – Но раз Андрюха говорил, что я видел этого Славу, и он сам утверждает, что сталкивались, и лицо кажется знакомым… Да, наверное, так оно и было, я просто не обратил тогда на него внимания. Да и с моим зрением…»

Зерковский протянул упаковку, попрощался с братом Степанова и отправился домой.

* * *

Степанов позвонил ему часа через два.

– Вы встретились? – спросил Андрей. – Или мой идиот родственник в очередной раз напился и все напутал?

– Он еще не доехал до тебя? – удивился Валерий.

– Ты отдал ему дискету?

– Да… – медленно произнес Валерий, в голове которого в этот момент проносились разные нехорошие мысли.

Степанов сказал себе, что при встрече придушит родственника за доставленное беспокойство. «Неужели напился по пути?» – подумал Андрей, но потом пришел к выводу, что Славка рассчитывал получить вермут в качестве платы за выполненное задание, а следовательно, тратиться на бутылку не стал бы.

– Что могло произойти? – спросил Зерковский дрожащим голосом.

– А черт его знает.

– Может, в аварию попал?

– Ты что, очумел? В какую аварию? Он на метро едет, а потом… Черт побери, как же сюда ко мне от метро добираются?… Подожди, сейчас выясню у секретарши. Ритка!

Секретарша прибежала на зов начальника и вопросительно посмотрела на Андрея.

– Как ты сюда утром добираешься?

– На метро до «Сенной», потом пешком до Декабристов, а там уж что подойдет – или трамвай, или автобус. – Ритка помолчала и добавила: – Очень неудобно. Транспорт плохо ходит.

Степанов не обратил внимания на последние слова секретарши и махнул рукой, жестом приказывая ей удалиться. Она вышла и закрыла за собой дверь.

– Ты слышал, что она сказала? – заговорил он в трубку. – Может, трамвай с рельсов сошел?

– И что, на бок повалился?

Степанов не знал, что ответить.

– Подожди, я ему домой позвоню. Черт знает что в голове у этого идиота.

Марина сказала, что, насколько ей известно, Славка на работе. Хотя, конечно, его там может и не быть.

На работе Самсонова не оказалось. Он уехал часа три-четыре назад и больше не появлялся, хотя обещал вернуться.

Андрей схватился за голову.

К одиннадцати вечера Самсонов до дома не дошел. Марина пообещала оставить записку, чтобы он перезвонил Андрею.

Самсонов не перезвонил. На следующий день Славкина теща сказала Андрею, что домой он не приходил. Видимо, нажрался с приятелями. Не в первый и не в последний раз. Тещино мнение о Самсонове совпадало с мнением Степанова.

Зерковский носился по своей квартире, как загнанный зверь, звонил Андрею через каждые полчаса. Самсонов провалился словно сквозь землю.

В четверг днем на работу Степанову позвонила рыдающая Марина и сообщила, что Самсонов в «Крестах» за вымогательство. По какой-то там сто сорок восьмой статье. Марину больше всего интересовало, не конфискуют ли у нее имущество.

Степанов засел за телефон и выяснил, что Самсонов вымогал пятнадцать тысяч долларов у довольно крупного бизнесмена по фамилии Картуш, занимающегося различными финансовыми операциями и импортом машин. Славку взяли в момент передачи Картушем отступных у метро «Технологический институт».

Андрей решил, что дискета находится в милиции. На дискете содержалась информация об очередном банке, который Степанов с Зерковским собирались «обуть». Вопрос заключался лишь в том, что скажет Самсонов на допросе, как глубоко он впутает их с Зерковским, попытается ли свалить на них шантаж?.. И вообще, что за птица этот Картуш?

Степанов понял, что сегодня ему уже не до работы, прыгнул в машину и понесся к Зерковскому. Ему теперь было плевать на ветрянку, он просто забыл про нее.

Во время разговора выяснилось, что Самсонов встретил Зерковского напротив Военмеха, взял коробку и пошел назад к «Техноложке». Значит, назначил две встречи в одном месте, но не хотел, чтобы участники видели друг друга.

Зерковский со Степановым не сомневались, что милиция до них доберется и что Славик их впутает и все свалит на них. Андрей снова засел за телефон, пытаясь узнать, кто такой этот Картуш и с чем его едят. Получив некоторую информацию, они с Зерковским начали ломать головы над тем, как на этого Картуша мог выйти пьяница Самсонов, с которым человек вроде Картуша и разговаривать никогда не стал бы. В конце концов, после долгих разговоров, приятели решили говорить сотрудникам правоохранительных органов, что Зерковский передавал Степанову вариант разработанной им новой программы, чтобы Степанов опробовал ее, а если понравится, предложил своим знакомым бизнесменам. Если программа устроит нескольких пользователей, Зерковский ее запатентует.

Почему передавал через Самсонова? Да тот вообще работает на Андрея в качестве мальчика на побегушках. А почему у Самсонова оказалась совсем другая дискета? А это вы у Самсонова и спрашивайте. Может, выкинул нашу и еще у кого-то забрал эту. Мы не в курсе…

Степанов решил заехать к жене братца и попытаться выяснить у нее, что произошло, появлялись ли менты, что спрашивали. Маринка как раз попросила его помочь, бедная девка рыдала, не зная, как теперь она будет жить. Андрей представится благодетелем и попробует вытянуть из нее все, что ей известно. Вот только зря он ей несколько раз звонил, интересовался дискетой…

Андрей пообещал Зерковскому сообщить вечером обстановку и помчался к Самсоновым.

* * *

Маринка и ее подруга заговорили одновременно, но всех перекричала Серафима Поликарповна. («Перед тем как жениться, надо обязательно посмотреть на тещу, – в очередной раз подумал Степанов. – Если бы я увидел Маринкину мать, ни о каком браке речи бы и быть не могло».) Степанову сообщили, что «этот пьяница» в тюрьме, «мерзавец» опустился до вымогательства, достукались, что милиция в дом приходит, учиняет допросы.

– Уже были? – спросил Андрей.

– Сидит в нашей комнате, – сказала Марина.

– Кто сидит? – не сразу врубился Андрей.

– Капитан Ухов, – ответила Самсонова.

Глава 6

Четверг, 23 марта

Услышав свою фамилию, Ухов вышел из комнаты и посмотрел на вновь прибывшего. Парень лет тридцати трех уже разделся, но волосы не пригладил: они оставались взъерошенными. Молодой человек был трезв, но смотрел по сторонам как-то ошалело, даже, как показалось капитану, несколько испуганно.

«Чего он боится? – подумал Ухов. – Организовал все мероприятие и опасается, что родственник в самое ближайшее время откроет рот и ему несдобровать? Не хочет присоединиться к Самсонову в местах не столь отдаленных».

Андрей не ожидал встретить представителя службы правопорядка в квартире Самсоновых. Вроде бы следователь, которому поручено вести дело, должен был вызвать Маринку к себе, а в общем черт знает, как у них там положено работать с подозреваемыми и свидетелями, только вот чтобы сразу же домой…

«Гнусная рожа, как и у всех ментов, – решил Степанов. – И что ему Маринка успела наболтать? Придется как-то выкручиваться».

– Добрый вечер, Андрей… Как там вас по батюшке? – спросил мент.

– Валерьевич. Степанов Андрей Валерьевич.

В голове Андрея Валерьевича проносились разные мысли. Он даже отдаленно не представлял, что задумал этот капитан Ухов, чтоб ему пусто было, что Ухову вообще известно и к каким выводам могла прийти ментовская голова или несколько голов, черт их знает, сколько там всяких оперов размышляли над «подвигом» Самсонова. Связали или не связали его, Степанова, со Славкиным «преступлением века»?

Мент руку пожать не торопился, оставаясь стоять у входа в меньшую комнату.

– Я как раз жду вас, Андрей Валерьевич, – продолжал Ухов. – Хотелось бы с вами побеседовать в домашней обстановке. Или вы предпочтете говорить у нас?

«Издевается, гад. Вежливым прикидывается. Заботливый. Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву».

– Да о чем можно со мной беседовать? – решил прикинуться дурачком Степанов. – Вот приехал, чтобы хоть как-то помочь родственникам. Иногда и слово доброе помогает. Я, как и Марина, поражен случившимся. Не ожидал, честно признаться, не…

– Тем не менее я считаю, что нам есть о чем поговорить, – перебил Ухов. – А потом уже можете оказывать моральную поддержку родственникам. Пройдемте в комнату.

Последняя фраза прозвучала как приказ. Ухов первым зашел в комнату Марины и Славки.

Андрей пожал плечами. Остальные собравшиеся в коридоре молчали.

– Дядя Андрей, а вы нам что-нибудь привезли? – внезапно раздался голос Анечки.

– Да, конечно, – улыбнулся девочке Степанов, радуясь возможности протянуть время.

Андрей опустил руку в карман оставленной на вешалке куртки, чтобы достать специально купленную жвачку. Его рука дотронулась до холодного ствола «ТТ»… У него из головы совсем вылетело, что пистолет лежит в кармане. Черт побери, ну почему же он его не выложил? Теперь еще и ношение оружия приписать могут, если вдруг этот трахнутый капитан Ухов решит его отсюда куда-то везти или вызовет своих дружков…

Степанов достал жвачку и направился к Анечке. Он специально остановился рядом с Машкой, этой Маринкиной подругой, которую вечно содержали какие-то богатые старики, или, что вообще было непростительным грехом, по мнению Андрея, чурки. Тьфу, шлюха. Степанов терпеть не мог женщин, ложившихся под «папиков» и тем более под «черных». А «черные папики» – это вообще ни в какие ворота не лезет. Что, наших парней мало? Сучка.

Проституткой себя, естественно, не считает. Она вроде бы денег не берет, просто сидит на шее какого-нибудь «папика» или черножопого. Маринка тут пыталась обелить подругу, говорила, что новый Машкин спонсор – совсем не «кавказец», он же казах, но Андрей в восточных национальностях не разбирался. Ему было все одно: не наш. У Степанова бы на такую девку просто не встал… Она для него грязная, после того как побывала в чуркиных постелях.

Но в этот момент Степанов решил, что Машка может ему помочь, потому что другим про оружие у него в кармане знать совсем необязательно. Она у своих спонсоров, наверное, всякого повидала, так что в обморок не свалится и не запричитает. Реакцию Марины он не представлял. Ну а самсоновским теще с тестем, тем более детям, совсем необязательно видеть содержимое его карманов.

– Спрячь куда-нибудь из кармана куртки, – тихо сказал Степанов, остановившись рядом с Машкой. Его слова услышала только она одна.

Корицкая подняла глаза на Андрея, незаметно кивнула и стал бочком продвигаться к вешалке.

Степанов отдал жвачку Анечке и Виталику и отправился в комнату, где его уже ждал расположившийся в кресле капитан Ухов.

* * *

– Итак, Андрей Валерьевич, – начал мент, – где и кем работаете?

– ОАО «Поларус». Директор с российской стороны.

Ухов записывал все в блокнот.

«Он что, еще и стенографировать умеет? – пронеслось в голове у Степанова. – Ментов теперь и стенографии обучают? В дополнение к профессиональным ударам по почкам?»

– Чем торгуете?

– Вермутом.

– Лицензия есть?

– Конечно.

– Еще чем?

– Ничем.

Ухов поднял глаза от блокнота и внимательно посмотрел на Степанова. Андрей молчал и не отводил взгляда. Он знал, что ни в коем случае нельзя показывать своих опасений.

– Когда последний раз видели Самсонова?

Андрей задумался. Он в самом деле не помнил, когда вызывал Славку к себе. Недели три назад, когда разгружали ящики с пустыми бутылками? Или тогда работали только ребята с завода? Значит, где-то больше месяца назад, когда Самсонов ездил в типографию за этикетками…

– Не помню, – сказал Андрей. – Честно, не помню. Может, месяц тому назад, может, больше.

– Что же вы так родственников не жалуете, Андрей Валерьевич? Нехорошо. Ай, как нехорошо.

– Послушайте…

– Послушаю. Именно послушаю, Андрей Валерьевич. Значит, не помните. А если подумать получше?

Степанов начал заводиться. Ему страшно хотелось врезать в эту гнусную ментовскую рожу, придушить, выкинуть его из окна. Андрей сдержался и ответил:

– Мне нужно посмотреть по документам в фирме, когда мы что разгружали. Тогда скажу точно.

Ухов в удивлении приподнял брови.

– А позавчера вы с ним случайно не виделись? – спросил мент.

– Нет, – отрезал Степанов.

– Не успели получить денежки?

«Так, значит, считает, что деньги Славка вез мне. Надо отбрехаться. Вперед, по плану Зерковского».

– Он мне дискету вез, а не деньги. И не довез, лоботряс. Ему вообще ничего поручить нельзя.

Ухов снова внимательно посмотрел на Андрея и задумался. Он ожидал от него несколько иного поведения.

– Что это была за дискета? – спросил капитан.

– Мне ее передавал мой программист. У него ребенок заболел, жена и мать на работе, оставить не с кем. – Степанов старался уйти от прямого ответа на вопрос, что же было записано на дискете. – Ну, Валерка дома работает, иногда выезжает по заказам, когда у кого что сломается. Тут он сам не мог ко мне в фирму приехать: я же на окраине города базируюсь. А у его ребенка ветрянка. Я попросил этого лоботряса. За бутылку он что угодно готов сделать. Валерка отдал ему дискету, как договаривались.

– Фамилия, имя, отчество и адрес этого вашего программиста.

Степанов продиктовал.

– Продолжайте.

– Ну я смотрю, не едет и не едет. Мой дорогой родственник в смысле. Я позвонил Валерке. Он говорит: «Передал». Я опять жду. Славки все нет. Я Маринке позвонил, в НИИ его, где он числится. Нигде нет. Думаю, дискету вроде бы пропить не должен: из его приятелей-алкоголиков она никому не нужна, они не представляют, куда ее девать.

– И что вы сделали?

– Вечером снова звонил сюда Маринке. Я, честно говоря, уже беспокоиться начал: не попал ли под машину, не дали ли по башке… Ну, сами знаете, сейчас всякое бывает. Ни Маринка, ни Серафима особо не волновались: решили, что нажрался где-то у приятелей. Не в первый раз такое случалось. Правда, когда Славка и вторую ночь подряд не пришел, Маринка заволновалась. Обзвонила морги, больницы… Ну и дозвонилась. Меня попросила заехать сегодня вечером. И вот я здесь.

Степанов развел руками и с невинным видом родственника-благодетеля смотрел на капитана Ухова.

– Как я вижу по адресу, ваш программист живет рядом с «Техноложкой»?

– Да, – кивнул Андрей.

– В каком месте была назначена встреча?

– У выхода из метро, рядом с книжным развалом. Но Славка пошел навстречу Валерию и поймал его у Военмеха.

– То есть Зерковский к метро не подходил?

– Нет, – покачал головой Андрей.

Ухов задумался. «Врет или нет? Надо еще будет хорошенько потрясти этого программиста. Или Самсонов сам выкинул номер – такой, которого от него никто не ждал?»

Поговорив с женой, подругой жены и двоюродным братом задержанного, Ухов пришел к выводу, что все они ни во что не ставят родственника, считают его никчемным лоботрясом, ни на что не способным. Теща полностью разделяет это мнение. Но не исключено, что на самом деле, в моменты просветления, голова у этого Самсонова работает даже очень неплохо… Или кто-то, знающий всех участников драмы, разработал хитрый план и отвел роль трагического героя Вячеславу Самсонову, продолжающему упорно молчать. Могло ли так случиться, что Самсонова нанимал не этот двоюродный брат, а таинственный персонаж, предпочитающий оставаться в тени. Самсонову было поручено сообщать, когда и куда его посылают другие «работодатели». Хитрый планировщик воспользовался назначенной у «Техноложки» встречей… И организовал еще одну.

Картушу позвонили в два часа дня и велели быть у выхода из метро в три. С деньгами, которые следовало уложить в упаковку для дискет. У опергруппы было совсем мало времени, но они успели. Только того ли человека взяли?

Почему молчит Самсонов? Кого он боится? Этот Андрей Валерьевич тоже несколько перетрусил, когда узнал, что Ухов находится в квартире родственников. Или ему просто нежелательно встречаться с кем-то из милиции,

как и любому бизнесмену, торгующему спиртными напитками…

Андрей ждал, когда Ухов снова заговорит, но тот о чем-то напряженно думал. Степанов не мог больше выносить это молчание и наконец спросил:

– А что говорит сам Славка?

– Я пришел сюда, чтобы получать информацию, а не делиться сведениями, – ответил Ухов.

Степанов пожал плечами.

– Вы его долго держать будете? – сделал он еще одну попытку.

– Многое зависит от него самого. От того, что нам удастся раскопать. А вы не хотите помочь следствию.

– Интересно, а что я сейчас делаю? Я рассказал вам все, что мне известно. Ну откуда я могу знать, что там в голове у этого лоботряса? Я, честно говоря, не ожидал, что он способен отмочить такое.

«Вот опять, – подумал Ухов. – Никто не ожидал. Но Самсонов тем не менее отмочил. Кто может за ним стоять?»

– Вы знакомы с Владимиром Вениаминовичем Картушем? – снова обратился он к Степанову.

– Нет.

– Фамилию когда-нибудь слышали?

– Сегодня, – усмехнулся Степанов. – Когда узнал про Славкины подвиги.

– От кого же?

– От Маринки.

– Это она назвала фамилию Картуш?

– Нет.

– Тогда кто же?

Степанов колебался, называть ли пофамильно коллег Ухова, которым Андрей периодически делал «маленькие презенты»: ему везде требовалось иметь своих людей. Не везде, конечно, но в тех инстанциях, которые могли каким-то образом повлиять на его деятельность, вернее, процветание. Никто из его «подопечных» непосредственно с Уховым не работал, но ребята сделали пару звонков и предоставили Андрею кое-какую интересующую его информацию.

– Ваши коллеги, – наконец сказал Степанов. – Фамилий называть не буду. Можете просить, угрожать, настаивать. Все равно не назову. Я не хочу, чтобы у людей из-за какой-то мелочи были неприятности.

– Вас волнует судьба Самсонова? – внезапно спросил Ухов.

Андрей резко дернулся, потом опустил голову, думая, что должен играть роль, только теперь он размышлял над тем, представляться ли Ухову заботливым родственником или… Он уже сказал, что не общается с Самсоновыми, выдал капитану свое мнение о Славке… Надо гнуть ту же линию – так будет более убедительно.

– Честно говоря, не особо, – поднял он глаза на Ухова. – Маринку и детей жалко. Я сейчас здесь из чувства долга.

– Понятно, – медленно произнес Ухов и подумал, что Степанов ответил честно, не стал разыгрывать из себя заботливого родственника, а значит, вполне вероятно, что он в самом деле ни при чем… Но сбрасывать со счета его все равно нельзя.

– Я, по всей вероятности, в самое ближайшее время снова свяжусь с вами, – сказал Ухов, закрывая блокнот.

– Сколько ему максимально могут дать? – спросил Степанов.

– Это решит суд, – пожал плечами капитан.

В этот момент в дверь снова позвонили.

«Еще кто-то приехал?» – удивился Ухов.

«Неужели новые менты в придачу к этому?» – пронеслось в голове у Степанова.

Мужчины, как по команде, встали и вышли в коридор.

* * *

Марина Самсонова открыла дверь.

На пороге стояла Марианна в роскошном кожаном пальто, которое она уже успела расстегнуть в лифте. Из-под пальто проглядывал строгий черный деловой костюм. Круглогодично не сходивший загар особо выделялся на фоне бледных лиц встречавших ее людей. В левой руке Марианна держала «дипломат», как обычно, до отказа набитый бумагами. Конечно, дома у подруги эти контракты и письма ей не понадобятся, но не оставишь же «дипломат» в машине: могут вскрыть, подумав, что внутри лежат деньги. Письма и контракты тоже представляют из себя потенциальные деньги, но госпоже Мальцевой еще предстоит сделать их реальными, и ей совсем не хотелось, чтобы кто-то копался в этих бумагах. В правой руке Марианна держала трубку сотового телефона, с которым никогда не расставалась: бизнес-леди должна всегда оставаться в пределах досягаемости клиентов и партнеров.

В коридор выбежали Виталик с Анечкой. Держась за стену, из кухни появился Петр Николаевич, следом за ним – Серафима Поликарповна. С облегчением думая, что теперь-то уж все будет в порядке, вылетели Маша с Мариной, только что «отметившие» завершение допроса очередной рюмкой. Милиционер вместе с Андреем Степановым стояли рядом у входа в Маринкину и Славкину комнату.

– Добрый вечер, – поздоровалась Марианна, обводя взглядом всех собравшихся в коридоре. – А это кто? – спросила она, кивая на единственного незнакомого ей мужчину.

– Капитан Ухов, – представился незнакомец деловой женщине, которая никак не вписывалась в компанию встречавших ее лиц.

Глава 7

Четверг, 23 марта

Марианна еще раз внимательно посмотрела на капитана, поставила на пол «дипломат», подняла глаза и встретилась взглядом со Степановым.

– Может быть, кто-нибудь из присутствующих джентльменов все-таки поможет мне раздеться? – спросила она.

Истинным джентльменом оказался едва стоящий на ногах Петр Николаевич.

– Вот что значит старая гвардия, – сказала Марианна.

– Да, Марьяш, – кивнула Маша, предпочитающая «папиков» молодым ухажерам. – Старый конь борозды не портит.

– Но глубоко не вспашет, – заметил капитан Ухов.

Марианна в удивлении приподняла одну бровь. «В этом менте что-то есть», – отметила она про себя.

Степанов, давно знавший и уважавший Марианну, подумал, что нужно немедленно ввести ее в курс дела: в плане того, что произошло в квартире Самсоновых до ее приезда. Андрей понимал, что она, естественно, знает о «подвигах» Славки и уже навела справки по своим каналам.

– Товарищ капитан зашел в гости, чтобы допросить членов семьи, – заявил Андрей. – И не упускает возможности поговорить со всеми приходящими.

Марианна опять приподняла одну бровь, теперь уже глядя прямо в глаза Ухову.

Капитан решил, что эту женщину сбить с толку невозможно, и она уверенно берет ситуацию под контроль. Последнее совсем не нравилось Ухову. Он знал, что для того, чтобы получить интересующую его информацию, вожжи в руках должен держать он.

– Девушка… – обратился он к вновь прибывшей.

– Госпожа Мальцева, – поправила его Марина Самсонова, сдерживая пьяный смех.

Капитан осекся, не зная, что сказать.

– Все правильно: госпожа Мальцева, – кивнула Марианна с серьезным видом.

Ухов не понял, смеется она над ним или нет.

– Э-э… госпожа Мальцева, – наконец выдавил он из себя непривычную форму обращения, – мне хотелось бы поговорить с вами.

– Вы уже говорите, – заметила Марианна, причесываясь перед зеркалом.

Милиции у нас обычно побаиваются, по крайней мере, во время беседы с представителем службы правопорядка чувствуют себя несколько неуютно. Марианна точно знала, что менту ни в коем случае нельзя дать власть над собой, показать, что тебе есть что скрывать, что ты испытываешь какой-то страх. Страха она в любом случае не испытывала – плевать ей было на капитана Ухова, но требовалось выудить из него то, что уже известно в ментовке. Тем более если Славкино дело поручили вести этому Ухову, то портить отношения с ним ни к чему, надо перетащить его на свою сторону.

Марианна повернулась к капитану и обворожительно улыбнулась.

– Если я вас правильно поняла, вы желали бы побеседовать со мной в интимной обстановке – с глазу на глаз? – спросила она.

– Э-э… да, – кивнул Ухов, полностью сбитый с толку.

К своим тридцати пяти годам Ухов так и не научился общаться с женщинами. Жена ушла от него после двух с половиной лет совместной жизни. Как предполагал Ухов, и за это недолгое время у нее в постели побывал не один любовник. Сергею было жаль, что дочка живет с матерью. Правда, он довольно часто с ней встречался. Мама Ухова забирала девочку к себе на дачу. Когда Светлана, бывшая жена, куда-то уезжала (с очередным сожителем, как предполагал капитан), Эля тоже жила у бабушки и отца. В однокомнатной квартире было тесновато, но что ж поделаешь…

Ухов страшно любил свою работу и пропадал на ней с утра до вечера. На нем висело меньше «глухарей», чем на сослуживцах. Он часто ходил по домам подозреваемых, к их родственникам, что иногда давало ключ к разгадке преступления. Капитан считал, что на человека надо посмотреть в домашней обстановке, тут он раскрывается лучше и чувствует себя свободнее, чем в отделении.

Женщины часто его жалели или, наоборот, считали, что могут поделиться с ним самыми сокровенными тайнами, и выплакивали, как в подушку, ему свои горести. Ухов слушал. Правда, как на мужика на него редко смотрели, хотя и был он весьма неплох собой. Для большинства он был «товарищ начальник», следователь, мент.

Светлана, казалось, сделала все, чтобы в плане отношений с женщинами сформировать у него комплекс неполноценности. Ухов уже давно ни с кем не встречался, да и привести женщину ему было просто некуда: не в кухню же на пол. Он легко вел допрос подобных Марине Самсоновой – таких он встречал множество. Сегодняшняя беседа с ней в этом доме не была для него чем-то новым. Дам типа Марии Корицкой тоже приходилось частенько видеть, с ними все было просто, тем более такие женщины ему никогда не нравились. Но вот эта вновь прибывшая госпожа Мальцева… Ухов никогда не сталкивался ни с кем, подобным ей.

«Кто она? – думал Ухов. – Деловая женщина – это определенно. Всех знает. Ее вызвали, чтобы помочь разобраться в случившемся?»

– Где будем беседовать, господин капитан? – спросила Марианна.

Ухов почему-то покраснел.

– Капитан общается с подозреваемыми в Маринкиной и Славкиной комнате, – сказал Андрей.

– Девочки, я к вам скоро присоединюсь, – сказала Марианна подругам, протянула детям по яблоку, улыбнулась Серафиме Поликарповне, подмигнула Степанову и подошла к двери в комнату.

Ухов вошел первым.

– Вы не в курсе, господин капитан, что женщину надо пропускать вперед? – обратилась она к спине Ухова. – Любую женщину. Даже обвиняемую, подозреваемую, ненавистную, презираемую, но тем не менее.

– Простите, – проронил Ухов, смутившись.

Марианна опустилась на диван, положила одну стройную ногу на другую, левую руку – на спинку, правой оперлась о сиденье. Рядом с правой рукой лежала трубка сотового телефона.

– Не будем зря терять время, – начала разговор Марианна – Ни ваше, ни мое. Мы – деловые люди. Как я понимаю, с семьей вы уже познакомились. Честно говоря, не знала, что теперь у нас, вернее, у вас, такая форма ведения дел. Но, в общем, правильно: личный контакт прежде всего.

Ухов не представлял, что сказать. Марианна совсем сбила его с толку.

– Когда будет разрешено первое свидание с Самсоновым? – спросила Марианна.

– Э-э… Свидания с подследственным запрещены, – ответил Ухов.

– А когда будут разрешены?

– Кем вы ему приходитесь? – поинтересовался Ухов.

– Вы имеете в виду Самсонова? Бывшей одноклассницей. Подругой жены. Другом семьи. Свидетельницей на свадьбе. Крестной матерью его сына. Достаточно?

– Достаточно, – сказал Ухов и подумал: «И эта тоже в том же классе училась. Ну и компашка».

– Когда будет разрешено первое свидание? – повторила Марианна, привыкшая всегда добиваться ответов на поставленные ею вопросы.

– Вам вообще не будет.

– Это я и без вас знаю. А жене?

– Послушайте… госпожа Мальцева, вопросы задаю здесь я, а вы…

Марианна расхохоталась.

– Так вы могли разговаривать с моими подругами. Моя добрая воля – сидеть здесь сейчас с вами или послать вас куда подальше, встать и уйти. Забудьте на время о своих ментовских привычках. Если это, конечно, возможно.

Ухов попытался что-то возразить, но Марианна жестом остановила его.

– Только не надо о том, что вызовете меня к себе, пришлете повестку и так далее. Коленки у меня не задрожат, и я не стану умолять вас не делать того или этого. Я прекрасно знаю свои права и в состоянии нанять любого адвоката, но я, так же, как вы, заинтересована в том, чтобы разобраться в этом деле. Я предлагаю вам сотрудничество. Вы обладаете большими возможностями для раскрытия преступлений, у вас на это больше времени. Черт побери, это ваше основное занятие. Я считаю, что в состоянии докопаться до сути того, что произошло. Хуже, лучше, дольше, быстрее – но в состоянии. Просто мне не хочется пускать в ход все-все резервы, находящиеся в моем распоряжении, – они могут понадобиться для более важных дел. Я здесь только потому, что мне жаль подругу, с которой я знакома с шести лет, и ее детей. Самсонов – букашка. Тряпка. Абсолютно беспомощен, неумеха. Я считаю, что его подставили. У него мозги куриные, чтобы работать против человека типа Картуша.

– Вы знакомы с Картушем? – поинтересовался Ухов.

– Да. Это мой деловой партнер.

– А вы сами чем занимаетесь? – спросил Ухов и добавил: – Если я, конечно, могу вас об этом спросить.

От подобной формулировки Марианна опять расхохоталась. Ухов тоже слегка улыбнулся.

– Директор по внешним связям довольно крупной коммерческой структуры. Продукты питания, обувь, немного аудио– и видеотехники.

Внезапно зазвонила трубка сотового телефона. Девушка нажала нужную кнопку.

– Алло! – сказала она и тут же перешла на английский.

Познаний в языках в размере средней школы Ухову было недостаточно, чтобы хоть отдаленно понять, о чем шла речь. Марианна достала из кармана пиджака маленький блокнотик и начала что-то быстро в него записывать. Наконец она попрощалась со звонившим, отключила связь и невидящим взглядом уставилась в стену, о чем-то напряженно размышляя.

Марианна молчала несколько секунд, потом с серьезным видом посмотрела на Ухова и заявила:

– Я в курсе того, что произошло. Я разговаривала с Картушем. Почему вы, черт побери, не записали голос шантажиста на пленку? Почему в офисе Картуша не было установлено записывающее устройство? Вениаминыч говорит, что звонил грубоватый – уверенный мужской голос. Я понимаю, что голос мог быть изменен. Но вы не знаете Самсонова: он бы заикался от страха, если бы даже и решился на шантаж. Он бы несколько раз описался, пока говорил.

Ухов понимал, что со звукозаписывающим устройством они, конечно, дали маху. Он не с самого начала вел дело Картуша, и у него оно было одним из многих. Картуша шантажировали около месяца, все повторяли, чтобы деньги были готовы, что в любой момент их придется везти по указанному адресу, Ухов уже считал, что звонящие просто пугают, ничего в самом деле не случится, – и вот позавчера конкретный адрес была назван: велели прибыть через час к метро «Технологический институт».

Картуш обратился в милицию сразу же после первого звонка: благо отделение располагалось в том же здании, где Картуш снимал офисную площадь. Ребята в свободное от основной работы время подрабатывали у него в охране.

Лучший друг Сергея Ухова, работавший в отделении и в свободное время на Картуша, в частной беседе посоветовал Владимиру Вениаминовичу обратиться лично к капитану Ухову. Картуш нажал на нужные кнопки – и дело отдали Сергею.

После нескольких звонков без требования прибыть туда-то и туда-то все как-то поуспокоились, Ухов решил, что до реальной выплаты дело не дойдет, но ошибся…

– Вы считаете, что за Самсоновым кто-то стоит? – уточнил Ухов у Марианны.

– Бесспорно. Он – пешка. Копайте глубже.

– Вы лично кого-то подозреваете?

– Могу назвать одну фамилию, но не уверена, что буду права, а зря обвинять человека не хочется.

– Степанов? – спросил Ухов.

– Фамилию назвали вы, – ответила Марианна.

Ухов задумался. Вначале ему так же, как этой даме, Степанов казался наиболее реальной кандидатурой. Однако после разговора с самим Андреем Валерьевичем Ухов здорово засомневался, причастен ли Степанов к делу или нет.

Капитан открыл блокнот, чтобы уточнить фамилию, поднял глаза на Марианну и поинтересовался:

– А Валерия Зерковского вы случайно не знаете?

– Опытный программист, – сразу же ответила Марианна. – А он-то здесь при чем?

– Вы знаете, где он работает?

– По-моему, в традиционном смысле нигде. Его привлекают разные конторы, если требуются его услуги. Я, в частности.

– А еще кто?

Марианна задумалась.

– Насколько мне известно, он часто бывает в «Элекрене» – это фирма, торгующая компьютерами, расположенная в том же здании, что и мой офис. Имеет отдельный вход. Еще где… Не могу вам сказать. А почему вы вдруг спросили о нем?

Ухов решил открыть этой женщине имеющуюся у него информацию в надежде, что она, получив эти сведения, сможет соединить звенья какой-то неизвестной ему цепочки:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zhukova-gladkova_mariya/odnoklassnicy-na-million

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить